

-ВАЛЕРИЙ ПУШНОЙ-

ДЕБЬИЗЕМЬЯ

Валерий Пушной

Дебиземия

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2019

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Пушной В.

Дебиземия / В. Пушной — Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

ISBN 978-5-00025-168-3

Мир Дебиземии жесток, выжить в нем непросто. Тем более, когда тебя объявляют врагом. Есть только один путь остаться живым. Но пройти его нелегко. А пройти надо. Новая книга Валерия Пушного – захватывающее путешествие в Чужой мир.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-168-3

© Пушной В., 2019
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

Содержание

Глава первая. Рубежи	6
Глава вторая. Побег	18
Глава третья. Питейное заведение	29
Глава четвертая. Горное урочище	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Пушной Дебиземия

© Пушной В., 2019

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2019

* * *

Глава первая. Рубежи

Друзья устали топтать наугад. Холмистая местность начинала рябить в глазах однообразно. Впереди замаячило странное сооружение. Понять его назначение было невозможно. Из земли выступала металлическая полусфера с длинной трубой в центре. Ни люков, ни крышек, ни дверей, ни окон, ни трещин.

Малкин, Раппопет и Лугатик обошли вокруг нее. Полусфера диаметром не менее десяти метров выдавалась над поверхностью почвы на высоту до двух метров. Центральная труба около метра в диаметре, пять-шесть метров в высоту, с утолщением сверху.

Малкин стукнул кулаком по металлу полусферы. Толстая прочная поверхность. Вытянул шею, прислушался. Тихо. Поднял булыжник и запулил в трубу. Стук тупой, короткий. Обнаженный торс Малкина блестел на солнце, веснушки на плечах слились с загаром. Потормошил руками торчащие волосы, вытер пот со лба, озадаченно чесанул ногтями по животу. Черт знает, что за штука. Гадай не гадай, вряд ли откроешь истину. Если бы увидеть изнутри или хотя бы ту часть, что в земле. Но – увы.

Раппопет досадливо пнул полусферу носком туфли. Недовольно крякнул, поморщился и отступил. Странная каракатица. Нетерпеливо пробежал пальцами по пуговицам рубашки, как по клавишам. Куда забрели – непонятно, в каком направлении двигаться – тоже.

Лугатик приник ухом к металлу. Притих, недоуменно пожал плечами. Емкость не емкость, монолит не монолит. Впрочем, какая разница, ну наткнулись на какую-то муру на пути, да и черт с нею, надо шевелить ногами дальше. Он затоптался, подошвами приминая жиденькую траву. Голое по пояс тело выпрямилось. Оглянулся на девушек.

Они стояли поодаль. Сашка в синей Ванькиной футболке, Катюха в светлом топе и джинсах и Карюха, босая, в сетчатой рубаше с плеча Лугатика. Безразлично смотрели на полусферу. Ничего особенного. Да и место, где оказались, обыкновенное: поле с пригорками муравейников, перелесок, тощая мурава под ногами. Одно и то же, куда ни кинь взгляд.

Сашка чуть выдвинулась, ладонями пригладила на бедрах длинную футболку. Прищурилась, пытаясь по солнцу определить направление сторон света. Но солнце стояло в зените, понять, где восток, где запад, трудно.

Карюха, просвечиваясь красивым телом сквозь рубашку-сеточку, отмахивалась от надоедливой мухи.

Катюхе в джинсах и топе было жарко, она искала глазами дерево, чтобы юркнуть в тень, но безрезультатно. Рядом – ни одного. На миг почудилось, что полусфера будто притянула, как магнит, и оттолкнула, словно ударила электрическим током. Девушка откачнулась и сжалась. Ей померещилось, что нечто живое разглядывает ее, выжидает. Затем разом все отхлынуло, покой вернулся, но в подсознании чувство дискомфорта осталось. Поторопила друзей:

– Долго будем глаза мозолить об эту железяку? Чего ее рассматривать? Надеется, дым из трубы повалит? Даже если из нее нефть забьет фонтаном, нам от этого ни тепло, ни холодно. Стоит себе и пускай стоит, ржавеет, – она подняла глаза, – вон на верхнем конце трубы, кажется, крыса сидит. Б-р-р, – Катюха содрогнулась, как от холода.

– Ух, и вправду, – подхватила Карюха, заметив, как большущая серая крыса зашевелилась и медленно побежала по кромке трубы. – Высоко забралась. – Карюха глянула на парней. – Мальчики, быстрее мозгуйте, куда мы притопали и как отсюда выбираться. А то без вас обойдемся. Хватит пялиться на заржавелую трубу. Вы бы нас рассматривали, как эту отвратительную крысу. Уж, наверное, мы приятнее. Дождетесь, слиняем одни, пожалеете тогда. А вы как думали? – девушка шевельнула красивыми бровями.

– Раскудахтались, – буркнул Раппопет и насупился. – Черт его знает, где оказались.

Малкин отошел от полусферы, помял ладонью шею, словно затекшую от тяжести:

– Ладно, – обронил он негромко, – не собачьтесь, шуруем дальше.

– В какую сторону, Ванька? – Сашка поискала взглядом собственную тень, чтобы ухватить, куда наклоняет ее солнце, но тень кружком замерла под ногами и кренилась лишь вслед за телом. – Где юг, где север?

– Все равно, – ответил Малкин. – Везде живут люди, – повернулся спиной к полусфере и шагнул вперед.

Продолжительное время шли молча. Слышали шум собственных шагов. Над головой мелькали птицы, под ногами в траве юркали мыши. Углубились в небольшую рощицу. Три-четыре десятка деревьев на короткое время укрыли бледной тенью людей. По ветвям пронесся шорох. Стайка пичужек вспорхнула, пролетела немного и снова зарылась в тощую листву.

За рощицей открылась косая поляна. За нею вздыбилось взгорье. От подножия к вершинке оно ерошилось лесочком и чубатой полосой кустарников. Справа от рощицы – голая потрескавшаяся земля метров на триста вдаль. Еще дальше – редкий лесок. Слева – крутой овраг с оголенной глиняной осыпью и глинистым дном. Другая сторона его заросла дикой травой и густой стеной леса.

Малкин повел взглядом по косой поляне к венцу взгорья.

– Туда, – показал рукой. – Выберемся наверх, с вершины увидим, куда идти. Выйдем к дороге, а там на любой попутке доберемся до города, в крайнем случае дойдем. Не заблудимся. Язык до Киева доведет. Скоро, надеюсь, будем дома.

– Быстрее бы, – подхватила Карюха. – Босиком все ноги исколола. Джентльменов не стало, хоть бы кто-нибудь свою обувь презентовал. Так ведь нет. Долбят каблуками землю и делают вид, что не замечают, как я мучаюсь.

Лугатик крутнулся перед девушкой волчком. Сорвал со своих ног туфли, протянул. Та фыркнула, остановилась. Не притронувшись к обуви, вытянула вперед стопу. Лугатик присел, охотно подхватил ногу под голень, надел туфлю. Потом так же надел на вторую ногу. Небольшие ступни девушки утонули в его обуви.

– По-твоему, Володька, это мой размер? – усмехнулась она, удивляясь, что у среднего ростом Лугатика большой размер обуви.

– На шпильках не ношу, – вывернулся Лугатик. – Предпочитаю низкий каблук. Удобно и устойчиво. Попробуй, понравится.

– Ну и знаток ты, Володька, колбасных обрезков, как я посмотрю. Только для меня удобнее и устойчивее шпилек ничего нет. Я родилась на них, – выпятила губы Карюха и оторвала подошвы от земли.

– Догадываюсь, но вокруг лес, поляна, бугор, яма, магазинов не видно, раздобыть негде. Вот выйдем к цивилизации, я тебе такие шпильки организую, закачаешься, – заливался Лугатик, подворачивая на ходу штанины. Ступал осторожно, приучая подошвы ног к дискомфорту.

Отстали от остальных.

Карюха тоже приучала ноги передвигаться в просторных мужских туфлях. Получалось не очень хорошо. Туфли волочились по траве, слетали, создавали неудобства. Но все равно это было лучше, чем шлепать босиком. Худо-бедно приноровилась, убыстрила шаг, догоняя друзей.

Впереди всех к вершине двигался Малкин. Длинный, рыжий, аршинными шагами мерил расстояние. Сдавалось, не уставал совсем.

Взбитый невысокий крепыш Раппопет частил ногами следом, не отрывался, настойчиво напрягал мышцы.

Потом шла Катюха с Сашкой. И позади – Карюха с Лугатиком. Катюха оборачивалась и торопила их:

– Ну, догоняйте же. До вершины осталось немного. Там отдохнем.

– Чего отдыхать? – возмутилась Карюха, делая шире шаг. – Сверху спускаться легче. Ты думаешь, эта рубаха мне по плечу, а эти бахилы по ноге? Сам черт не волочил бы их. Отрастил Володька лаптю: на пятерых росла, одному досталась. А в рубахе больше дыр, чем ткани. Правда, и за это спасибо, иначе папуасить пришлось бы в юбке из листьев после всех наших злоключений. А так хотя бы видимость есть. Вот доберусь до дому, ты меня не узнаешь.

Сашке показалось, что слева в худосочной траве мелькнула слабо натоптанная тропа. Девушка сделала шаг в сторону от Катюхи, взгляделась. Так и есть, тропа. На земляных плешинах угадывались отпечатки подошв обуви и голых ступней, а еще следы от копыт. Сашка махнула Малкину, привлекая внимание:

– Ванька, давай сюда, здесь хоженная тропа со следами. Не очень четко просматриваются, но ведут к вершине.

– Значит, мы тут не одни, – улыбнулся парень, продолжая прокладывать свою дорогу. – По всему, правильно двигаем, – успокоил. – Я же говорил, куда ни пойдешь – всюду люди.

– Мышей тоже пропасть, – пискнула Катюха, отшатнувшись от юркнувших в норки полевок. – Никогда столько не видела. Ужас! – ойкнула, высоко отрывая ноги от земли.

– Мыши для людей – мелочь, – заметила Сашка, уверенно топая по тропе. – Не обращай внимания, это не крысы. Крысы хуже. Те, когда голодные, могут загрызть даже человека. Конечно, если их много. Мыши пусть бегают. Кстати, на этой стёжке мышей не видно.

– Правда, что ли? – воскликнула Катюха, поежившись при упоминании о крысах. Их она терпеть не могла, трепетала при одном виде. – Тогда я иду к тебе! – девушка сорвалась с места. Перебежала к Сашке и повернулась к друзьям. – Переходите сюда, тут идти легче. Карюха, шагай к нам, пускай эти упрямые ослы чешут сами по себе!

Но Карюха в ответ отмахнулась:

– Нет, сегодня мужское общество мне больше по нраву. Если споткнусь, Володька поддержит, упаду – поднимет. В его башмаках без поддержки передвигаться все равно что черенком лопаты рыть яму. Я – хрупкая девочка, погляди на меня, мне крепкое плечо не помешает.

– Мы все тут хрупкие, – усмехнулась Катюха, ступая след в след за Сашкой. – Только не там ты ищешь крепкое плечо. Смотри, не прогадай.

Вершина встретила странным безмолвием, как будто очутились в вакууме. Тропа, на которой стояли Сашка и Катюха, разветвилась на три направления вниз по склону. Одно уводило резко вправо вдоль берега узкой речушки вверх по течению. Еще одно вело в противоположную сторону вдоль того же берега, вниз по течению. А средняя тропа опускалась прямо к броду в реке. И на другом берегу уходила к каменистым нагромождениям, издалека похожим на горную грядку.

Река змеилась по равнине. Берега были пологими, местами поросли кустарниками. То тут, то там, сколько охватывал взгляд, торчали из земли деревья.

Люди переглянулись: ни души вокруг, никаких дорог. И дико давила на уши странная тишина. Сашка смотрела на Малкина, кричала ему, но тот не слышал. Удивился и крикнул в ответ, но и она не услышала его голоса. Хором закричали все – тишина.

Малкин сделал резкое движение в сторону Сашки. Яркая вспышка ослепила. Он зажмурился, куда-то проваливаясь. Покатился вниз, ударился боком, плечом, коленом. Наконец падение прекратилось. Он замер, чувствуя скованность в руках и ногах, чертыхнулся, открыл глаза.

Вокруг стояли воины с палашами, копьями, луками, в кожаном снаряжении. Скалились, тыкали пальцами, рассматривали.

Ванька лежал на боку, щекой на грязной земле. Попробовал подняться, понял, что связан. Закрутил головой, увидел друзей. Они лежали рядом, схваченные веревками. Ерзали, не

разумея происходящего. Малкин изловчился и сел. Голый торс и лицо в пыли, руки за спиной, ноги спутаны. Изнутри вырвалось:

– Где мы?

В ответ разнесся беспорядочный гогот, сзади над головой проквало:

– Там, куда пробирались.

Малкин повернул голову на голос: одутловатое лицо с синими прожилками, мясистый нос, пролысины и клочковатые волосы. Нараспашку зеленая накидка с металлическими шипами. Под нею кожаные воинские доспехи. В руке тяжелый палаш. Ноги в кожаных ботах.

– Да мы никуда не пробирались, – обронил растерянно Ванька, сиюсья понять, в какую переделку угодили. – Заблудились.

Его друзья тоже сели и удивленно таращились на окружающих. Тех было около десятка воинов, в одинаковых одеждах. Над головами нависла невысокая скала, правее – каменная осыпь, левее – валуны. В центре пяточок вытопанной земли, на котором теснились все. В скале трещина, похожая на вход в пещеру. Тень от скалы накрывала людей.

Карюха пробежала глазами вокруг и не нашла Сашку с Катюхой, их не было. Раскрыла рот, чтобы сказать об этом, и вовремя остановилась. Как знать, стоит ли сейчас упоминать об отсутствующих.

– С какой целью нарушили рубеж? – спросил все тот же с клочковатыми волосами, обращаясь ко всем сразу.

– Какой рубеж? – У Малкина глаза полезли на лоб. – Ничего не было. Мы никого не видели, – потянул из-за спины руки, но узел был крепким, мускулы вздулись, лицо покраснело.

– Что не видели, верю. У меня нет дрянных воинов. Враг обнаруживает дерьмовых рубежников, но в моем отряде рубежники обучены таиться так, что сами себя не видят. А вот остальное все врешь, по морде вижу! – как искру из камня высек голос клочковатого.

– Как ты можешь видеть, если стоишь у меня за спиной? – усмехнулся Малкин, оглянулся и опять напрягнул мышцы. – Развяжите! Кто вы такие? Мы идем своей дорогой и никому не мешаем.

Но голос из-за спины снова осадил:

– Вы нарушили рубеж Дебиземии. Закон нашей державы гласит: кто переступил предел, должен быть подвешен за ноги и отдан на съедение крысам-каннибалам, если не признается в своих коварных замыслах. – Воин повысил голос до дребезжания натянутой тетивы. – Мы ждали вас! Нам известно, что вы – терры, убийцы. Посланы убить величайшего из народа деби, нашего преза Габа Фарандуса. Голодные каннибалы уже пожрали многих терров, воров и разбойников, с вами будет то же, если соверете мне.

Малкин быстро прокрутил в голове услышанное. Все перемешалось, но интуиция потянула за тонкий кончик, вытягивая слабую ниточку мысли. Нашупывая канву, произнес в свою защиту:

– Мы не знали, что здесь рубеж державы Дебиземии.

– Врешь, лукавый терр, – вспылел воин, ударил Ваньку по шее, шагнул из-за спины и вперился в глаза парню, – рубежи нашей державы известны далеко за пределами. Народ деби – великий народ. Воины Дебиземии непобедимы. Правители многих держав склонили головы перед нами.

Малкин пригнул шею: кажется, канву нащупал, теперь главное не потерять ее. Шею, правда, больно, но шея выдержит, важно вырваться из пут, еще важнее выйти сухими из воды:

– Разве можно голыми руками убить величайшего из деби? – произнес осторожно наобум, как бы на ощупь. – Ведь у нас ничего нет. А преза Габа Фарандуса наверняка хорошо охраняют. Не дадут приблизиться к нему.

– Это так, – удовлетворенно подтвердил воин. – Его тело-защитники – маги, – и вновь сорвался. – Не пудри мне мозги, лукавый, я вытряхну из тебя признание, чего бы это мне не стоило!

Среди воинов раздался враждебный гам, изначальное возбуждение перерастало в злобное рычание:

– Каннибалы давно досыта не жрали, Бартакул. Отдай им одного из этих терров.

– Да, да, отрядник, чтобы другие развязали языки.

– Скоро они все узнают, что такое наши крысы-каннибалы.

Отрядник Бартакул нагнулся, схватил за волосы Малкина и прошипел в лицо:

– Признавайся, лукавый, не ты ли главный терр Бат Боил? Уж очень твоя рожа не нравится мне.

Малкин от боли скорчил гримасу, но ответить не успел, вперед качнулся Раппопет, хрипло выплескивая:

– Да не знаем мы никакого Бата Боила! Вам же человеческим языком объясняют, мы не терры!

– Ты, паршивый терр, захлопни зубатую пасть, придет и твой черед! – прикрикнул Бартакул на Раппопета и ногой отпихнул назад. – Ваша одежда не похожа на нашу, это одежда терров! – рыкнул отрядник, отпустил волосы Малкина, распрямился.

– Обыкновенная одежда, как у всех людей, – огрызнулся Раппопет, завалившись набок.

– Вы слышали, рубежники, как они себя называют? – Бартакул глянул на воинов.

– Слышали. Наверное, новое сборище, – раздалось в ответ. – А может, это телозащитники Бата Боила? Они самые опасные, их мы еще не скармливали крысам-каннибалам. У них пустые руки, значит, есть секрет.

– Никакое мы ни сборище, – завозилась Карюха, обращая на себя внимание. – Обыкновенные люди и все. Никаких секретов не держим.

– Что я говорил, рубежники! – торжествуя, подхватил Бартакул. – Сборище «Люди». Кто-нибудь слышал о таких? Я с самого начала понял, что эти терры не такие, как все. Вот привалило, так привалило. Долго ждали и дождались. Слава нам, воины-рубежники! За этих терров през Габ Фарандус отвалит всем награду. Готовьте кошелю для фарандоидов! Носом чую! На этот раз крысы обойдутся. Пускай пока друг дружку жрут, – снова впился взглядом в Малкина. – Чую, воины, за эту морду нас отметят особо! Ну-ка, Крорус, притащи свиток, где намалевана харя Бата Боила, – приказал одному из рубежников.

Тот сорвался с места за уступ скалы, вмиг обернулся со свитком в руках, сунул корявую мазню под нос Бартакулу. Отрядник долго так и этак крутил свиток перед глазами, затем ткнул в него узловатым коротким пальцем, спросил Кроруса:

– Это что?

Крорус всмотрелся, прокашлял:

– Ухо, кажись.

– Точно, ухо, – подхватил Бартакул, посмотрел на Малкина, – у терра тоже есть ухо. А это? – снова спросил у Кроруса, продолжая тыкать грубым ногтем в свиток.

– Нос, кажись, – почесался Крорус.

– Вижу, что нос, – прикрикнул Бартакул. – И у терра есть нос. А тут? – ноготь заскреб по мазне.

– Глаз, кажись. Точно глаз. Один, – отчеканил Крорус. – Второй закрыт.

– Решил нас провести терр, прищурился! – прорычал отрядник и схватил Малкина за плечо. – Меня не проведешь, терр, я сразу признал твою харю! Рубежники, вот он, Бат Боил, со своими подручными! Думал, мы крысиными хвостами деланные, ротозеи, упустим? А мы накрыли его, как серую крысу. Самого опасного накрыли. Рожа, как на свитке, не отвертится от нас. Удача, рубежники, удача! В наших руках самый опасный терр!

Лугатик смекнул, что на съедение крысам-каннибалам их пока не отдадут. На душе стало чуть легче, но не отпустило до конца. Ведь Ваньку приняли за какого-то Бата Боила, что, кажется, увеличивало вероятность новых зуботычин. Значит, оставаться «самыми опасными» было опасно. И Володька решил подмаслить, надеясь на лучшее:

– Послушай, Бартакул, мне жаль, но ты ошибаешься. Во всем ошибаешься. Мы обыкновенные, как и вы. Потому что, если бы мы не были такими, мы бы не оказались в твоих руках. – Он завозился, стараясь удобнее сесть, локти, связанные сзади, ломило, ноги затекли от крепких пут.

Раппопет скривился, хмыкнул, за спиной поскреб пальцами землю:

– Поверь ему, Бартакул, он точно обыкновенный, как деби.

– Я верю, верю, – усмешливо покачал головой Бартакул, переведя глаза на Андриюху. – Я всему верю. Я доверчивый отрядник. Но и ты поверь, из моих клешней не вырвешься, какую бы лапшу на уши мне не вешал. Запомни, терр, народ деби не обыкновенный, он исключительный! А мы, рубежники, суровые стражи пределов Дебиземии. Ни один терр не просочится мимо моего носа. Ни один. Терров я чую на расстоянии. Я на этом рубеже собаку съел. И я знаю, обыкновенные иноземцы рубеж не преступают, тем более вместе с кровавым убийцей Батом Боилом. С самим Батом Боилом! – метнул взгляд на Малкина. – Тебя ищут по всем землям, а ты вот он, в моих клешнях! – Отрядник довольно растянул губы, а затем заносчиво и резко отвернулся от людей. Глянул на воинов, отдал им жесткие распоряжения, отправляя в засады. А сам, окрыленный удачей, скрылся за выступом скалы.

Возле друзей остался сутулый рубежник с палашом и копьем в руках. Потоптался на месте, отступил к валуну, привалился к нему боком. Упер древко в землю, зажал в правой ладони и стал рассматривать людей, чаще останавливая взгляд на Карюхе.

– Кажется, ты понравилась этому деби, – негромко обронил Малкин девушке. – Облизывается.

– Она и нашему деби нравится, – усмехнулся в унисон Рап-попет. Кинул взор на Лугатика и опять нервно поскреб пальцами землю.

– Заткнись, Андрияха, я хотел как лучше, – буркнул с обидой Лугатик.

– Заткнитесь все! – оборвала Карюха. – Лучше скажите, куда мы попали? И где остальные? – она не стала называть имен девушек, опасаясь, что рубежник может услышать, и надеясь, что парни поймут ее.

Парни поняли, Малкин после небольшой паузы ответил за всех:

– Где очутились, понятно. На рубеже Дебиземии. На другие вопросы ответов пока нет. Но подождем, думаю, скоро все прояснится.

В тот миг, когда Малкин сделал движение к Сашке, она ступила вниз по склону, который топорщился жесткой невысокой травой и редкими каменистыми пригорками. Но тут по ее ногам ударил резкий ветер. С завыванием задрал по самую грудь футболку. Подбросил девушку вверх, перевернул, закрутил вихрем, опустошая мозг. Сашка отключилась.

В чувство ее привела боль в коленях от удара о землю. Обнаружила, что вместе с Катюхой стоит на коленках посреди поляны в окружении скопища мышей. По телу пробежала неприятная дрожь. Сашка взмахнула руками, надеясь разогнать полевок, но мыши не двинулись с места. Они, присев на задних лапках, вытянулись в струну и молча смотрели на девушек. Сашка пробежала глазами вокруг – ни парней, ни Карюхи поблизости не было. Ничего не понимая, затаила дыхание.

Катюха, очнувшись и увидав мышей, обомлела от неожиданности, испуганно вскрикнула и тихо сжалась. Наступила пауза, которая затягивалась.

Сашка шевельнулась, дернулась всем телом, думая подняться на ноги, но не получилось. Колени точно приклеились к земле, оторвать невозможно. Катюха так же повозилась рядом и отказалась от попытки. Беспомощно посмотрела на Сашку.

По лицам девушек плавала растерянность. Даже слова удивления застряли в горле. Собственно, а кому нужны эти слова? Не для мышей же их произносить.

В этот миг серое сборище перед девушками начало расступаться, образуя круг, в центре него остались две полевки. Одна быстро стала увеличиваться, вырастая до размеров девушек, вторая выросла наполовину.

У крупной мыши на голове была корона из плетеного металла с драгоценным камнем. На груди – цепочка с украшением. В передних лапах она держала палочку с утолщением на одном конце, похожую на спичку для розжига каминов.

Вторая мышь была окольцованной: круглые кольца в ушах, на шее, на передних лапах.

У девушек от изумления глаза превратились в большие блюдца. Не издав ни звука, Сашка и Катюха ждали, что будет дальше.

Мышь меньшего размера неслышно хлопнула передними лапами, издала писк и тонким отрывистым голосом произнесла:

– Перед вами Маила – Великая княгиня мышиноного княжества. Поклонитесь ей, дебиземцы! Вы находитесь в ее владениях, обязаны воздать подобающие почести и ответить на вопросы. Их задаю я – первая привилегированная дама Вилита.

Девушки не ответили. Происходящее поразило. Говорящая мышь и непонятное обращение привело в замешательство. Не думали, не гадали попасть в мышиноное княжество, да еще предстать перед Великой княгиней. А мыши ждали. Молчание становилось тягостным. Следовало что-то ответить, но на язык не подворачивались нужные слова. Впрочем, как знать, какие сейчас слова нужные, а какие – нет. Девушки переглянулись, и Сашка набрала в легкие воздуха:

– Первая привилегированная дама Вилита, мы не представлялись тебе, почему ты называешь нас дебиземцами?

Теперь настала очередь прийти в замешательство даме Вилите. По всему видно, что вопрос поставил ее в тупик. Наконец она раскрыла рот и с задержкой выдохнула:

– В чем ты не согласна со мной и как вы, дебиземцы, хотите, чтобы я называла вас? Вы – убийцы, постоянно вторгаетесь в пределы мышиноного княжества. Ставите на нас капканы, травите кошками и собаками, сыплете кругом отраву, убиваете мышей. Вы выжигаете траву, чтобы мы дошли от голода. Для мышей дебиземцы и душегубы – это одно и то же. Могут называть вас убийцами.

Катюха вспыхнула, вновь попыталась оторвать колени от земли. Беспомощность перед мышами бесила. В душе закипало возмущение, внезапная злость придала смелости:

– Чего ты распинаешься перед ними? – недовольно бросила она Сашке, потом метнула первой привилегированной даме: – Послушай, мышь Вилита, не городи огород. Ни в какие рамки не лезет! Не зная нас, ты обвиняешь в том, чего мы никогда не совершали. Мы не убивали мышей, понятия не имели о существовании мышиноного княжества. И мы не дебиземцы, мы не знаем, кто это!

Вилита недоверчиво пискнула, подпрыгивая на месте:

– Если вы не дебиземцы, то с какой целью ступили на землю мышиноного княжества, во владения Великой княгини Маилы?

– Да какая может быть цель? – кипела Катюха, не глядя на Сашку. – Мы искали дорогу домой и случайно забрели сюда.

Сашка старалась не горячиться, но Катюху не сдерживала. Та, по сути, не нагнетала обстановку. Пыл ее, скорее, показывал мышам, что претензии с их стороны несправедливы. Вилита снизу вверх глянула на Маилу:

– Великая княгиня, ты слышала, Великолепная, что она сказала? Они искали дорогу!

Маила, сидевшая до этого неподвижно, слегка кивнула, нос качнулся, передние лапы дрогнули. И одна из лап легла на голову первой привилегированной даме, прижав ее уши:

– Я слышу, Вилита, – разнесся высокий мелодичный голос, – помолчи, я буду говорить сама.

– Как велишь, Великолепная, как велишь, – поклонилась первая привилегированная дама и отодвинулась назад.

Великая княгиня приблизилась к девушкам и обнюхала. Сильный мышинный запах неприятно ударил людям в нос, заставил остановить дыхание. Но девушки постарались не подать вида. Маила вернулась на прежнее место:

– Я вижу, вы говорите правду. Вы не имеете отношения к дебиземцам. У вас другой запах. Вы из другой державы, к вам у нас нет неприязни. Злейшие враги мышей – дебиземцы. Они ненавидят нас, мы ненавидим их. Когда-то между мышиным княжеством и Дебиземией был договор о мире. Но дебиземцы коварно нарушили его, решив, что мыши слабы и с нами не стоит считаться. Объявили наши земли полем своих интересов и стали истреблять мышей. Тогда я организовала сородичей в самой Дебиземии и отправила послания мышам других держав, призывая помочь княжеству. Мыши очень малы, чтобы объявлять войну Дебиземии, и живут меньше деби, но когда нас много, мы без объявления войны вносим постоянный кошмар в жизнь дебиземцев. Я заключила союз с крысами, потому что те ярые враги этой державы. Дебиземцы используют плененных крыс как палачей. Они держат их в закрытых бункерах, морят голодом, чтобы те поедали друг друга и превращались в каннибалов. Маги Дебиземии насылают на них заклятия, а потом бросают им на съедение врагов державы. И осатаневшие каннибалы рвут жертвы на куски, становясь идеальными палачами. Отряды каннибалов проникают в другие державы и поедают всех, кто негоден презу Фарандусу. У дебиземцев волчьих аппетиты. Вольные крысы яростно сопротивляются такому насилию. Их воительница Доннаронда иногда устраивает ответные нашествия на города Дебиземии. Доннаронда – Великая крыса и Великая воительница. Сломить ее волю невозможно. Она умеет находить выход из любого положения. С нею лучше жить в союзе. Но дебиземцы этого не понимают, а когда поймут, то никому не известно, что после этого будет. Доннаронда непредсказуемая и всегда неожиданная. Дебиземцы зашли слишком далеко. Не стоило озлоблять вольных крыс, не следовало вызывать ненависть во всех концах мира. Однако остановиться дебиземцы уже не могут, потому терры возникают, как грибы, а под дебиземцами образуется трясина, которая засасывает безвозвратно. Я поняла: вы ищете дорогу в Дебизию. И хоть вы не говорите об этом, но я догадываюсь, кто вы. Вы – терры, враги дебиземцев, их убийцы, а посему, значит, мои союзницы. И как у всех терров, у вас благородная цель: убить преза Фарандуса. Воительница крыс Доннаронда не откажет вам в своем покровительстве. А чтобы вы сразу убедились, что наш с вами союз плодотворен, вам помогут мои юркушницы. Проведут через преграды на рубеже. Ни один рубежник Дебиземии не заметит. В любом городище державы, если потребуется, покажут подходы ко всякой постройке и помогут проникнуть в нее. Мыши и крысы не подведут. – Маила каминной спичкой коснулась головы одной из полевок, притихшей неподалеку. Полевка быстро увеличилась до размеров Вилиты, задергала носом и хвостом. Маила продолжила. – Я поручаю это лучшей юркушнице мышиного княжества превосходной мышши Даниде. Она умеет все, что нужно уметь первой юркушнице. В любом городище Дебиземии, если надо будет, городищенские мыши придут ей и вам на помощь. – Маила умолкла, ожидая ответных слов. Девушки словно набрали в рот воды, переваривая то, что услышали. Все было ново, быстро не укладывалось в голове, озадачивало и кидало в оторопь. Но уже обязывало принять какое-то решение. И это выбивало из колеи еще больше. Маила не дождалась ответа. Вновь подала голос. – По вашему дыханию я ощущаю беспокойство в вас. Поэтому замечу, что в моем княжестве вам не о чем тревожиться, пока пределы не нарушат дебиземцы. Сейчас их нет на моих полях, а если появятся, то рубежные мыши по цепочке передадут опасную весть. Так что же вас тревожит, терры? Поднимитесь с колен!

Сашка двинулась, колени легко оторвались от земли. Девушка вскочила на ноги, одернула футболку. Катюха без промедления последовала за нею, стряхнула с джинсов налипшую землю.

Сашка смотрела на Маилу и одновременно видела, как насторожились мыши Вилита и Данида. Девушка понимала, какого ответа ждала Великая княгиня мышинового княжества. Но дать положительный ответ не могла и не могла отказать Маиле. Пришлось напрячь мозги, чтобы не очутиться в еще более трудном положении. Поймала глаза царственной мыши:

– Благодарю тебя, Великолепная Маила, за предложенную помощь, она своевременна и необходима. Но принять решение мы вдвоем не можем. Ты точно заметила беспокойство. Мы встревожены. Потерялись четверо наших спутников, с которыми шли в одной связке. Все произошло мгновенно и неожиданно. Сейчас нам ничего не известно о них и, не сомневаюсь, им о нас – тоже. Нас было шестеро, Великолепная Маила, и мы должны вновь объединиться, чтобы вместе решить, что делать дальше.

После этих слов засуетилась превосходная Данида, шустро вскинула нос, часто вдыхая воздух.

– Ты хочешь что-то сказать, Данида? – спросила Маила и разрешила. – Говори, вижу, у тебя имеются новости.

– Да, Великая княгиня, да, Великолепная, – причмокивая, закивала головой Данида, – вороны недавно кружили над рубежом Дебиземии и каркали. Они никогда не кружат и не каркают попусту, скоро мы узнаем, что привлекало их. Мышиная почта принесет известие от рубежных юркушниц. Только надо подождать.

– Ты предполагаешь, что вороны видели четверых терров, спутников наших гостей? Если так, они где-то близко. Пускай посуеются твои юркушницы, Данида! – чеканно потребовала Великая княгиня. – А сама отправляйся с нашими гостями в крысий лес, представь их Великой воительнице Доннаронде. Она поможет в поисках четверых терров.

– Все сделаю, как ты велишь, Великолепная, – с поклоном попятилась превосходная Данида.

Тело Катюхи обдало холодом, когда она представила себя в окружении крыс. От мышей бьет легкая трясушка, а тут предлагают среди крыс шастать. Одно упоминание о них приводит в трепет, но чтобы добровольно топтать к противным грызунам, надо окончательно свихнуться. И похоже, это происходит, коли развели бодягу с мышами. Понять бы, куда вляпались, посмотреть хоть на одного настоящего дебиземца, о которых так много писку. Но пока что одни мыши вокруг. Не мешало б скорее выбраться из этой каши. И уж конечно не к сборищу крыс. Катюха локтем толкнула Сашку в бок:

– Я не пойду к крысам. Чего ради? – хотела сказать, что терпеть крыс не может, но проглотила раздражение, подумала, вдруг эти слова ей выйдут боком. И все-таки, какого черта мышь Маила решает за них!

– Не канючь, – оборвала Сашка. Ей самой все было не по душе, но надо же как-то осваиваться там, где оказались, наводить мосты, заводить знакомства. Пусть даже среди грызунов, раз уж так получается. Кто знает, может, новые знакомства пойдут на пользу. И коль самим непонятно, куда топтать, где искать друзей, надо принимать любую помощь. Особенно, когда ее предлагают. Очевидно, что дебиземцы изрядно насолили мышам и крысам, но выводы делать рано, хорошо бы услышать другую сторону. Возможно, дебиземцы не так страшны, как малюют мыши. Но, как бы там ни было, важнее теперь найти Малкина, Лугатика, Раппопета и Карюху, а уж потом заводиться с дебиземцами. По-видимому, пока без мышей и крыс не обойтись. Стало быть, знакомство с Доннарондой неизбежно. Сашка сверкнула глазами по Катюхе, жестко повторила: – Не канючь!

Катюха подавила недовольство. Смириться было трудно, но другого варианта никто не предлагал. Передернулась. Бр-р-р. Крысы. Только крыс не хватает ей. Представила злых, с

остекленевшими глазами каннибалов и съежилась. Ведь сожрут заживо. С чего бы доверять этой царственной мыши Маиле, что крыса Доннаронда не каннибал и встретит с распростертыми объятиями? Как знать. Не оказаться бы в ловушке. Да и в распростертых объятиях крысы совсем не хотелось бы очутиться. Ужас. Риск, сплошной риск. Однако не топтаться же среди мышей, не ведая, как быть дальше. Катюха вздохнула.

Сашка вытерла о футболку вспотевшие ладони:

– Благодарим тебя, Великолепная Маила, мы последуем твоему совету.

Маила удовлетворенно кивнула и провела каминной спичкой над головами скопища полевок. Сборище всколыхнулось и кинулось врассыпную по норам. Скоро поле стало чистым: только тощая трава, камни да земля, испещренная множеством нор. Великая княгиня Маила, первая привилегированная дама Вилита присели, быстро уменьшились и тоже исчезли в норах.

Вдалеке за полем – перелесок. Справа от поля – небольшая горная гряда. Слева – холм, за которым спуск к туманной стене леса. А сзади Сашке и Катюхе рассматривать было не с руки.

Превосходная Данида опустилась на четыре лапы, сорвалась с места, сделала круг возле Сашки с Катюхой, на ходу повторяя:

– Поспешим, терры, крысиный лес в Слепой низине за высоким Крутым холмом.

Превосходная Данида семенила впереди, играя хвостом по траве.

Когда Сашка с Катюхой, следуя за мышью, поднялись на Крутой холм, открылся вид на Слепую низину. И сразу людям стало понятно, почему впадина называлась Слепой. Она вся была окутана туманом. Лишь острые верхушки деревьев торчали из густой белой дымки.

Мышь и люди спустились вниз. Ступили в клубящуюся молочную мусть леса. Заблудиться в таком мареве – раз плюнуть. Надежда только на чутье мыши.

Данида протянула девушкам хвост. У Катюхи застучали зубы от нежелания прикоснуться к нему, она даже застопорилась. Сашка усмехнулась и решительно стиснула кончик хвоста в ладони. Катюха схватилась за ее футболку. Так миновали часть леса.

Запинались о выступающие корни деревьев, натыкались на низкие ветви, проваливались ногами в норы. Прислушивались к шумам, чувствовали присутствие крыс на деревьях и под ногами. Боялись в тумане наступить на грызунов. Наконец остановились. Данида, причмокивая, тонким голосом позвала:

– Великая воительница Доннаронда, я пришла к тебе от Великой княгини Маилы! Я не одна, со мной терры, враги дебиземцев, а значит наши союзники! Великолепная просит тебя взять их под свое покровительство. Они идут в Дебиземию из другой державы.

– Не кричи, Данида, – раздался из дымки негромкий хрипловатый, как будто простуженный, но резкий повелительный голос, – я вижу их. По запаху чую, они не дебиземцы. Станный запах, впервые слышу такой. Впервые. Так зачем же они идут в Дебиземию?

– А зачем все терры стремятся туда, Великая воительница? Чтобы убить нашего злейшего врага, преза Фарандуса, Примадонна.

Установилась пауза. Затем перед девушками туман стал сбиваться в клубы, отрываться от земли и подниматься кверху, открыв глазам поваленное дерево.

На стволе сидела огромная, метровой длины, желтая крыса с длинным черным хвостом и драгоценным ожерельем на шее.

Под стволом гнездились крысиные норы.

Деревья вокруг были облеплены серыми и черными крысами. Ветви прогибались под тяжестью. Длинные хвосты грызунов свешивались к земле.

– Для чего им мое покровительство? – спросила Доннаронда, широко открывая пасть и показывая резцы. – Убить преза Фарандуса можно без меня.

Данида подергала носом, вытянула шею и вкрадчиво заметила:

– Можно, Примадонна, только в таком случае легче попасть в зубы к каннибалам, – Данида на полшага приблизилась к воительнице. – Терры не знают дорог Дебиземии, Примадонна. Центральное Инквизное Управление державы в один миг обложит наших союзников капканами. Их схватят и отдадут каннибалам. Известно, что рубежники спят и видят терров за каждым камнем и во всякой норе. Давно не секрет, хватают любого, чтобы выслужиться. А уж если наскочат на настоящих терров – тут из кожи вылезут, на всю Дебиземию гвалт устроят. До нас гам докатится. Так зачем же нам самим отдавать этих терров дебиземцам и терять союзников? Не лучше ли оказать им помощь, Примадонна? Прямо сейчас. Их было шестеро, но четверо потерялись по дороге. Я уже поручила своим рубежным юркушницам найти пропавших. Их ищут. Великая княгиня Маила считает, что у союзников одна цель, вместе мы сможем быстрее отыскать четверых. Ты – Великая воительница. От твоих проныр ничего не ускользает. Поручи им тоже заняться поисками, помоги террам.

Доннаронда повернула голову к девушкам. Те увидели серые холодные, но пытливые глаза. У Катюхи мурашки побежали от крысиного взгляда, точно тот пронизал не только одежду, но и забрался под кожу. Сашка была крепче, однако испытала не меньший дискомфорт.

Гирлянды грызунов на ветвях раскачивались, словно крысы готовились к прыжку.

Под ногами у девушек зашуршало, по коже ног заскользила крысиная шерсть. Люди замерли, не решаясь пошевелиться.

Доннаронда потянула носом воздух и задала вопрос:

– Чем вам насолил през Фарандус, терры, почему вы хотите убить его?

Девушки растерялись, вопрос загнал их в тупик. Сказать, что никого убивать они не собирались и вообще не имели никакого отношения к террам, было глупо. Это могло сразу же обернуться против них. Но и выдавать себя за мифических терров было еще нелепее.

С легкой лапы Маилы все в одночасье закрутилось по странному сценарию, который не поддавался осмыслению. На девушек как бы тавро поставили в угоду мышам и крысам.

Вдруг стать терром – смешотворно, но отказаться от крысиной помощи – безмозгло. Самим вряд ли удастся быстро найти друзей. Остается одно: крутиться, как ужи на сковородке, принимать чуждые правила игры, не соваться со своим уставом в чужой монастырь. Известно – выживает умнейший.

Сашка скосила глаза на Катюху. Та находилась в оцепенении от крысских гирлянд. Склонна вот-вот завизжать от страха и не готова беседовать с Доннарондой. Сашка сглотнула слюну, проталкивая по горлу ком, мешавший говорить, выдавила:

– Не обессудь, Великая воительница, но на твой вопрос мы не можем ответить. Точно так же крысы не имеют права разглашать твои тайны.

Катюха, сжимаясь, торопливыми кивками подтвердила слова Сашки.

– Крысы не знают моих тайн, – помедлив, величественно произнесла Доннаронда, – но если б знали – не смели бы пикнуть о них.

– Ты сама ответила на вопрос, который задала, Примадонна, – подхватила Сашка, сжимая руками бедра.

– Вижу, ты не глупа, терра, – опять помедлив, сказала Великая крыса. – Расслабьтесь. Вольных крыс бояться не надо, это не дебиземцы и не каннибалы. Я помогу вам. Можете рассчитывать на вольных крыс, где бы вы ни находились. – Она подняла черный хвост и ударила по стволу. Тут же с ветви соскользнула черная крыса, предстала перед воительницей. Доннаронда кончиком хвоста коснулась ее, и та увеличилась до метрового размера, послушно выставила вперед острый нос. Доннаронда приказала: – Поручаю этих терров тебе, Крабира, – и пояснила Сашке с Катюхой. – Крабира – непревзойденная проныра, не подведет. Можете на нее положиться. Она всегда знает больше, чем другие, видит дальше, чем многие. Она натаскана мной некоторым магическим приемам, которые защитят ее и вас. Крыса всегда пролезет там,

где застрянет деби, а где не пролезет крыса, там протиснется мышь. – Доннаронда глянула на проныру. – Не подведи, Крабира.

– Ты слишком хвалишь меня, Примадонна, я не заслуживаю такого, – поскромничала непревзойденная Крабира, но в глазах зажегся огонек удовольствия от похвалы.

– Я лучше знаю, кто чего заслуживает, – властно пресекла воительница.

Катюха не могла расслабиться, несмотря на совет Доннаронды. Крысий лес кишел крысами, ступить негде. Хотелось бы вздохнуть полной грудью, да куда там, зуб на зуб не попадал при виде многих дюжин висящих хвостов над головой. И все же мозг впитал, что черную крысу Крабиру придется какое-то время терпеть так же, как терпели мышь Даниду.

Очнулась Катюха от Сашкиного толчка, встрепенулась, услышала слова Доннаронды:

– Если ваши спутники еще живы, пронырам и юркушницам скоро станет известно, где они. Но будьте осторожны в Дебиземии, Центральное Инквизное Управление следит за каждым движением всякого обитателя державы. Опасайтесь оказаться в лапах инквизов, – воительница дотронулась передней лапой до самого крупного камня на ожерелье, и оно ярко вспыхнуло вокруг ее шеи.

На глазах у Сашки и Катюхи крыса превратилась в женщину. Голое молодое, желтого отлива, крепкое мускулистое тело. Волево вытянутое вперед лицо. Пронизывающий крысиный взгляд и горящее ожерелье на шее.

Глаза девушек широко распахнулись. Сашка подавила возглас изумления, приподняла вздохом грудь и, удерживая ровный голос, спросила:

– Посоветуй, Примадонна, что сделать, чтобы не попасть в западню?

Доннаронда спрыгнула со ствола дерева и сделала пару шагов к людям:

– Самим устроить ловушку для дебиземцев, – но, видя недоуменные лица Сашки и Катюхи, недовольно нахмурила длинные брови. Дескать, ужели она ошиблась в их сообразительности, ведь все понятно, как хвост крысы. Растолковала: – Объявите себя посланцами к презу Габу Фарандусу из далекой иноземной державы. Тогда в дороге вас не тронут. Посланцы к презу в Дебиземии находятся под защитой Фарандуса. А дальше как подфартит. Фарандус – подозрительный деби. Все тер-ры хотели убить его, но никто не добрался до резиденции.

Девушки поежились, как от холода. Дикость какая-то. Даже маршрут для них воительница наметила. Но на кой черт им этот Фарандус, пускай себе живет. А они с удовольствием подались бы в обратную сторону, где не было дебиземцев, но были Малкин, Раппопет, Лугатик и Карюха. Впрочем, возвращаться нехорошая примета. Сашка двумя руками потянула вниз футболку, резко очертив узкие плечи, острую грудь и бедра:

– Но в чем ловушка, воительница?

– В обмане, – коротко ответила Доннаронда. – Так вы сможете попасть в столичное городище и приблизиться к Фарандусу. Разве не он ваша цель? Останется только исполнить то, что намечено, – подошла к девушкам, обдав крысиным духом. Провела рукой по их одеждам, спросила: – Такое носят в вашей державе? – получила утвердительные кивки в ответ, закончила: – Фарандус любит экстравагантность. Вполне сойдете за посланцев. А теперь ступайте, – дотронулась пальцем до камня на ожерелье. И вслед за свечением вновь превратилась в желтую большую крысу. Нос к носу с Катюхой. Та невольно отшатнулась. Крыса быстро вернулась на поваленное дерево. Скучившиеся вверху облака стали молочной дымкой опускаться вниз, обволакивая всех туманом. Непревзойденная Крабира сорвалась с места:

– Пора идти, пора!

Превосходная Данида снова протянула девушкам хвост. И по сокрытой белой мутью тропе повела Сашку и Катюху из крысего леса в неизвестность.

Глава вторая. Побег

Для Малкина с друзьями наступившая ночь оказалась бессонной.

В начале ночи возле костра несколько раз возникало свирепое лицо Бартакула, в пух и прах разносило рубежника. И тот из кожи лез. Стоило кому-то из людей пошевелить затекшими руками или ногами, как воин оказывался носом к носу и угрожающе рычал над ухом. Затем возвращался к костру, усаживался на камень лицом к людям и злорадно сверлил их глазами.

Вскоре отрядник надолго растворился во тьме. Языки пламени костра в глазах у ребят начали двоиться и троиться. И тогда за спиной у рубежника бесшумно выросла большая черная крыса. Поднялась на задние лапы. У людей мгновенно пропала сонливость. Размеры крысы поразили.

Она хвостом коснулась головы рубежника. Тот обмяк, захрапел, завалился набок. Затем крыса, как плеткой, стегнула хвостом по земле. И с разных концов из земляных нор полезли ее заурядные сородичи. Кинулись к людям. Те задергались, закрутились, изворачиваясь, отбиваясь связанными ногами. В головах заметалась мысль о крысах-каннибалах. Карюха запищала от страха, парни яростно захрипели, неспособные разорвать веревки. Непревзойденная прыгаля Крабира вскинула передние лапы. В воздухе возникло блеклое облако. В нем, как в вате, увязли крики и хрипы людей. А им в уши вошел голос Крабиры:

– Не бойтесь, терры, крысы перегрызут веревки! Вам покровительствует Великая воительница Доннаронда. Мне поручено сопровождать вас по дороге к презу Дебиземии Габу Фарандусу. Две ваши спутницы ждут неподалеку. Успокойтесь, дайте крысам сделать свое дело.

Приятели затихли, ощутив с содроганием, как по их телам побежали крысы.

У Карюхи сводило скулы от отвращения. Но она судорожно втягивала в себя воздух и с усилием выдыхала, глотая слюну.

Лугатик, бодрясь перед девушкой, простучал зубами:

– Все н-нор-ма-мально, Ка-карюха.

Та икнула, поднимая вздохом высокую грудь.

Малкин собрался с мыслями, вгляделся в силуэт черной крысы за пламенем костра. Почувствовал, как с ног упали веревки. Не представлял, что придется разговаривать с грызунами, но заговорил:

– Где наши спутницы? Объясни, что происходит? Мы ничего не понимаем. Кто такая Доннаронда? Почему мы должны идти к презу Дебиземии? У нас не было таких намерений. Мы не терры.

Крабира через прыгающие языки огня посмотрела на него: – Я ни о чем не спрашиваю тебя, терр, я все знаю. Со мной можешь быть откровенным. Сейчас нет времени отвечать на твои вопросы. Делай, о чем прошу. Я буду с вами, чтобы помочь выжить. Теперь вы – посланцы далекой иноземной державы. Ваши спутницы вам все объяснят.

Раппопет завозился, сбросил с рук перегрызенные веревки. Крысы уже казались не такими омерзительными. Польза от них налицо. Иначе вряд ли выпутались бы. Башка, правда, идет кругом от такой чехарды: рубежники, терры, посланцы, но уж лучше посланцы, чем убийцы. Он привстал на локтях, посмотрел, как крысы расправляются с веревками на ногах. А когда и там веревка распалась, согнул колени и мячиком подскочил вверх. Помог подняться Карюхе.

Девушка прижалась к нему занемевшим телом.

Лугатик тоже откинул огрызки веревок, подхватился, бурча под нос. Ему так хотелось зацепить пинком хотя бы одну крысу. Шмякнуть о камень, чтобы избавиться от гадливых ощу-

щений, оставшихся после ползания по его голому торсу серых грызунов. Но вместо этого он встал на цыпочки, чтобы не наступить на какую-нибудь длиннохвостую тварь. Позавидовал Раппопету, что Андрюха был в рубашке. перевел дух, успокоился, ведь с Малкиным они в одинаковом положении. У того по голому животу также изрядно поелозили грызуны.

Ванька оторвал тело от земли, выпрямился.

Крысы из-под ног побежали в разные стороны, убираясь в щели и норы.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил он непревзойденную Крабиру. – Что дальше?

Лугатик толкнул его кулаком под ребра:

– Какого рожна мы попремся в самое логово деби? Побокую Фарандуса. Найдем Сашку с Катюхой и пошуруем назад.

– Куда назад? – подал голос Раппопет. – В зубы к каннибалам? Мы же тут ни черта не знаем. И выбора нам не предлагают. Крыса даже не спрашивает нашего желания. Мне это вот как не нравится, – он провел по горлу ребром ладони. – А что делать? Надо освоиться сначала. А там – помозгуем. Так что не мути воду раньше времени, Володька, – и посмотрел на Малкина.

Тот кивнул в знак согласия. От этого костра следовало быстрее убираться. Главное не напороться на рубежников за скалой, тогда кранты, тогда опять – веревки. Впрочем, крыса, похоже, может вывести. Верь – не верь ей, а приходится на нее полагаться. Рубежник вон дрыхнет, как сивый мерин. Усыпит и других. И Ванька вновь проговорил Крабире:

– Веди.

Отблески огня метались по камням, загоняя мрачные тени в трещины каменного мешка. Пламя костра без новых сучьев постепенно угасало, припадало к земле, умирало.

Крабира движением передних лап убрала туман, отправила в костер огрызки веревок. Стала на четыре лапы и пошла за уступ скалы.

Люди тихонько гуськом пустились за нею. После пламени костра глаза не сразу вжились в темноту. Ноги то и дело натыкались на что-то, запинались, припадали на колени, пока зрение не набрало силу. Тропа тускло очертилась под звездным небом. Спотыкаться перестали.

Малкин двигался за Крабирой.

Та шла быстро и уверенно, улавливая запахи и ночные шумы.

Земля под ногами ухабистая. Люди ступали осторожно, чтобы не допустить хруста сухой ветки. Справа от них блекло маячили очертания вершины взгорья с темным горбатым перелеском. Слева – черные зубья незнакомых утесов. Позади – мрачная пугающая стена леса. Впереди – поле.

Крабира уводила от рубежа вглубь Дебиземии.

Вскоре добрались до редкой рощицы, где их ждала Сашка с Катюхой и превосходной юркушницей мышью Данидой.

Ночь пролетела, промелькнул и следующий день.

Отрядник Бартакул, высунув язык, весь день метался в поисках терров. Глубоким вечером под слабеющим солнцем среди каменистой местности угомонился, сидя на гладком валуне. Потел под кожаными доспехами, злясь, что удача переменчива. Выпорхнула из рук, растаяла, взяла за глотку, оставила в дураках. Прозевал терров, как тупая крыса.

Ведь колготился полночи, проверял посты, уши держал на макушке, не выпускал из виду каменный мешок. Рубежнику мозги вправлял, чтобы не заснул у костра, глядел за пленниками в оба. Все было спокойно. Прилег всего на пару часов, чтобы на заре лично сопроводить терров в центр землячества, городище Пун. И на тебе! Упустил свой шанс. Не представлял, что на рассвете окажется у разбитого корыта.

На миг даже лишился речи, когда на заре заглянул в каменный мешок. Костер дотлевал, воин дрых, как пьяная крыса, а терров след простыл. Глазам не поверил. Окостенел, точно замерзший труп. И взревел так, что по всему рубежу разнеслось.

Пустился за террами вдогонку. Кидался то в одну, то в другую сторону. Ни следов, ни намека на следы, будто терры по воздуху уплыли. К концу дня загнал лошадей, вымотался сам и рубежников измотал.

Воины, расслабившись, сидели на ближайших валунах. Глубоко дышали. Взмыленные лошади фыркали рядом, беспокойно ловили дрожащими ноздрями запах воды.

Справа от Бартакула, метрах в ста, отчаянно колотилась среди камней быстрая бурная река, высоко подбрасывала брызги и пену. Ниже по течению поток воды бился лбом об огромный голый утес, изъеденный ветрами. Вгрызался в твердь камня. Ломал хребет и зубы. Расшибался в брызги. Огибал скалу и уносился прочь. Потрепанный, но непокорный и непобежденный. Терялся внизу между холмами.

Слева от отрядника метров на сто пятьдесят – голые камни. Дальше – известняковый излом земли, поросший хилыми растениями-уродцами. За ними в землю вцепились густые заросли низкорослых кустарников, образующих опушку леса. Редкие деревья постепенно смыкались в плотную массу, скрывая лесные дороги, тропы и глухомани.

Впереди у Бартакула – скудные холмы, и среди них терялся рубеж Дебиземии. А за рубежом простирались земли соседней державы Фунтурии.

За спиной отрядника – горная гряда.

Когда лошади остыли и успокоились, их можно было подпустить к воде.

Бартакул встал с валуна. Лошадь вскинула голову, переступила ногами и заржала. Шум и запах воды притягивал. Отрядник погладил коня по шее, взял под уздцы, по каменной россыпи повел к реке. Рубежники с лошадьми последовали за ним. И вот морды лошадей уткнулись в кипящую пену. Бартакул зачерпнул ладонями воду, плеснул себе в лицо. От дневных поисков притупился взор, подкачала интуиция, отрядник не почуял за каменным утесом тех, кого искал.

Быхом, фэр рубежного городища Пун, вприпрыжку сновал по помещению фэрии. От оконного проема к столу и обратно. С легкой хромотой, одна нога чуть короче.

Он держал в руках свиток, вчитывался в слова. И то, что читал, ему явно не нравилось. Кряхтел, прикусывал губы, крутился на месте. Перебирал ногами, как на горячих углях.

Фэр был маленького роста, брюхатый, будто беременная женщина. Полукруглое лицо и полукруглый нос. Часто моргал. На плечах темная короткая накидка, топорщилась на животе. Короткие штаны, кожаные спереди. Широкий ремень свиной кожи с тяжелой фасонной пряжкой. И кургузая кожаная обувь на толстой подошве с высокими каблуками.

Помещение фэрии просторное, квадратное. Голые каменные стены и каменный пол. В центре большой стол из темного дерева, полукруглый, с резными элементами. Вокруг изогнутые деревянные скамьи с высокими спинками. В стенах полукруглые узкие оконные проемы. Вдоль стен несколько причудливых напольных глиняных ваз. По углам на полу – шкуры зверей.

Перед фэром за полукругом стола сидели четверо деби в накидках разных цветов. Внимательно следили за каждым движением Быхома и податливо кивали, когда их глаза натыкались на взгляд фэра.

– Дрянь, новости дрянь, сплошное дерьмо, – тряс свитком Быхом. – Ищейки доносят, что Бартакул на рубеже схватил четырех терров и упустил, крысятник бесхвостый. Сбежали терры. Теперь он носом землю роет. Шарит в округе. И ничего не сообщает мне, рассчитывает, наверное, что быстро настигнет.

Подфэр Чобик, в полунакидке болотного цвета, крайний справа за столом, удивленно задержал бровями. Не сдержался и посыпал словами, как горохом:

– Это Бартакул-то прохлопал? Да от этого пройдохи даже мышшь не ускользнет. Никому никогда не удавалось улизнуть. Если Бартакул вцепился, то намертво. Хватка известная.

Может, ищейки придумали все? Многие завидуют удачливому отряднику. Его сам Фарандус отметил. Быть не может, чтобы Бартакул проморгал терров!

Фэр Быхом пропустил мимо ушей словесный всплеск Чобика, недовольно продолжил:

– Еще ищейки доносят, что по всему рубежу непонятную возню устроили мыши и вольные крысы. Твари научились с насока разгадывать наши ловушки. Перестали клевать на приманки. Количество крыс-каннибалов в бункерах уменьшается. Ловчие набили мозоли на ногах, гоняясь за грызунами, но поправить положение не удастся. Мое терпение лопается. У нас под носом крысиный лес, где варит варево непокорная воительница. Она обучает крыс и противодействует пополнению наших бункеров. Пора бы давно изловить ее. Но ловчие не справляются с крысами, сами попадают в крысьи западни. Мало кто унес ноги. И теперь обходят этот лес стороной. Я в бешенстве. Посему хочу отправить отряд воинов с ловушками и с голодными крысами-каннибалами. Пусть перевернут лес, поставят все вверх ногами, наполнят ловушки вольными крысами. А свирепые каннибалы зальют землю кровью вольного отродья. Лес пожечь и не жалеть огня. Пора наконец прикончить желтую дрянь, вытащить дохлятину из Слепой низины и бросить всем на обозрение. Дебиземцы своими глазами должны увидеть эту падаль. Я уверен, у Бартакула не обошлось без ее вмешательства. Она у меня уже в печенке сидит, – он нервно хлопнул по животу. – Достала, мерзавка! – Его ноздри расширились и задрожали. – Выловленных вольных крыс отправим в бункеры и сделаем из них каннибалов. Дебиземии нужны крысы-каннибалы, чтобы каждый деби чувствовал их дыхание в затылок и дрожал от страха.

– Но крысий лес вне наших рубежей, – как бы невзначай напомнил Чобик, шевеля бровями и двигая руками по пыльной столешнице.

– И что с того? – свирепо отреагировал Быхом на замечание подфэра. Грубым тоном дал понять, что тот должен подчиняться, а не обсуждать. – Наши рубежи для врагов, а для нас рубежей нет нигде. Крысы это не деби, чтобы считаться с ними. И потом, крысы никаких рубежей не придерживаются, лезут сквозь любые дыры и щели. Эти мерзавки хороши, когда становятся управляемыми каннибалами. Но дай каннибалам волю, сожрут нас.

Чобик согласно кивнул на последние слова Быхома и предложил:

– Надо доложить Фарандусу о твоём намерении, иначе сами можем оказаться кормежкой для каннибалов. През крут, когда действуют без его согласия.

– Знаю! – Быхом заморгал чаще, как от нервного тика. Остановился в коротком раздумье и зло поперхнулся. – Пока до него дойдет, мы уже разделаемся с воительницей и пополним бункеры. А победителей не карают.

Присутствующие за столом дружно завозились. Молча переглянулись, проверяя, все ли одного мнения. И только Чобик настырно лез на рожон:

– Заполнить бункеры и приумножить количество каннибалов дело стоящее. Но ты ведь знаешь, фэр, о воительнице среди дебиземцев бродят жуткие слухи. Хотя мало кому удавалось увидеть ее. Болтают, очень умна, способна менять обличья, сильна в магии. Не попасть бы впросак. Отправь магов с отрядом, фэр, не будут лишними. Ведь каннибалы управляемы только благодаря магии. Без нее с желтой мерзавкой нам вряд ли справиться.

Быхом, прихрамывая, бросился к столу. Придавил выпирающим брюхом край столешницы, наклонился вперед. Прокричал, стараясь поставить на место въедливого подфэра:

– Я думал, в твоей башке толкутся умные мысли, но в ней один свист сквозняка. Запомни, что лучшая магия – это вранье. Кто больше врет, тому больше верят. Кто больше хапает, тому больше отдают. Кто больше убивает, того больше боятся! – Кулаком ударил по столешнице. Животом оттолкнулся от нее и мгновенно, не задумываясь, гортанно выдал: – Эта мерзкая крыса слишком желта для серых, серым нужна серая воительница!

– Крысы могут не согласиться, ведь среди них много черных, – вставил Чобик. Его насупленные брови нависли над коротким острым носом.

Фэр побагровел от натуги. Он не любил разжевывать свои мысли, из-за этого постоянно был на ножах с подфэром, но терпел того за лояльность. Короткая нога Быхома описала полукруг, голос сорвался, как камень с утеса:

– А кто с ними торг ведет? – Фэр вприпрыжку прошелся перед столом и спокойнее добавил: – Спалим и перебьем половину, другая половина на все согласится. Тебе поручаю, Чобик!

– А что делать с Бартакулом, если тот не поймает терров? – разнесся голос длинноголового деби в красной накидке. Его верхняя губа выступала вперед, по горлу гулял острый кадык.

– Не зли меня, Рокмус! – возмущенно подпрыгнул у стола Быхом. – Под твоей командой весь гарнизон городища. Неужто не найдешь одного достойного воина, чтобы заменить отрядника? Если Бартакул не отыщет терров, поступи с ним, как с пособником терров. И не смотри, что его отметил Фарандус, през многих отмечает, но никого не запоминает. – Фэр усмехнулся, отступил от стола. – Не надейся, гарнизонник, что ты глубоко засел в его мозгах. У Фарандуса без тебя голова от проблем пухнет.

Гарнизонник Рокмус мотнул длинной головой, крикнул хмуро. Он был воитель, а воин обязан исполнять команды, это его работа, приказы не оспариваются. Но иногда и у воителя возникают вопросы:

– Тогда зачем отряд воинов отправлять в крысий лес, не лучше ли бросить его на поиски терров?

Фэр Быхом, челночно двигаясь перед столом, глянул на Рокмуса так, будто первый раз увидал. Расширил ноздри полукруглого носа, втянул в себя воздух и обрушился на гарнизонника с негодованием:

– Учить меня вздумал! Исполняй, что говорю! На поиски терров снаряди других воинов и сам возглавь. Поставь на уши магов. Вытряхни из рубежников полную информацию, перекрой все дороги и тропы в Пунском землячестве. Пусть лазутчики обнюхают каждый бугор и каждый куст, обшарят все, как собственные карманы. Эти терры оказались много хитрее хваленного отрядника, сумели оставить Бартакула с носом. Определенно отъявленные убийцы. Ты, Рокмус, любой ценой обязан настичь их в самый короткий срок. Далеко уйти они не могли, им неизвестны местные тропы, без проводника это беспомощные слепые крысята.

– Я их достану, – краснея от натуги, буркнул Рокмус, – не сомневайся, фэр. – Острие кадыка заметалось по горлу, едва не прорезая тонкую кожу.

Сбоку от гарнизонника шевельнулся деби в синей накидке: жухлая сухая кожа на лице, лоб в глубоких морщинах, на впалой левой щеке крупная бородавка:

– Фэр, не пощекотать ли заодно мышиное княжество? Разделаемся с княгиней, как и с крысиной воительницей. Свершим благое дело, повеселим души: потопим и потравим грызунов. Я готов направить к мышам своих палачей, у тех давно приготовлено надежное зелье. Они ждут твоей команды.

На полукруглом лице Быхома на мгновение возникло раздумье. Он приостановился, глаза перестали моргать. Но тут же быстро крутнулся на месте, отозвался:

– Повеселим души, Самор, повеселим. После того, как заметем терров и покроем трупами мышей поле мышиное княчества. Опустошим его, как крысиный лес. Не беспокойся, Самор, тебе, городищенскому инквизу, работы привалит по глотку. Попотеть придется, чтобы развязать языки терров. А потом потравишь гнусных полевков и в бункерах подготовишь новых каннибалов. Так что твоим живодерам некогда будет изнывать от безделья: попотеют на славу, душегубы. Ты уж постарайся, чтобы Центральное Инквизное Управление осталось тобой довольно. А то последнее время мои ищейки новости приносят быстрее, чем твои инквизы. Это плохо, Самор, очень плохо. – Быхом умолк и снова стал хромать из стороны в сторону по каменному полу. А руки будто были не у дел: то кидались за спину, то сцеплялись на брюхе, то болтались вдоль бедер.

Потянулась пауза. Самора словно высекли, он весь свернулся, как желтый лист, бородавка на щеке обескровилась.

За оконными проемами легкий ветер ворошил листву деревьев. Лучи солнца елозили по гладким каменным стенам помещения и лицам сидевших за столом. Попадая в глаза, заставляли деби морщиться.

Четвертый за столом был в накидке розового цвета. Круглые маленькие глазки и крупные уши. Он молча отлепил зад от сиденья, привлекая к себе внимание, но ничего сказать не успел, его опередил фэр:

– Тебе, Дарон, поручение особенного рода, ты задержишься! Остальные – свободны! Но Самор пускай вернется после Дарона.

Дарон сжался, вновь к жесткому сиденью приплюснул зад, притих, сделался неприметным.

Чобик, Рокмус, Самор поднялись, протиснулись между скамьями и столом. Протопали вдоль стены и вышли за двери из резного дерева, окованные по углам красным металлом.

Дарон, Особый порученец Быхома, опустил лицо и терпеливо ждал, уставившись в одну точку на крышке стола. Окружение фэра хорошо знало, что незаметность Дарона была обманчивой. Его маленькие глазки сверлили каждого, точно проникали в души дебиземцам, выуживали информацию. А большие оттопыренные уши, казалось, улавливали течение мыслей деби. Дарон выполнял тайные поручения фэра, которые скрывались от окружения. Под его началом были порученцы, их лица походило на висячие дверные замки: Дарон выдрессировал всех так, что эти замки никогда ни перед кем не открывались. А любое поручение фэра выполнялось без промедления и беспрекословно.

Быхом сам прикрыл плотнее дверь, прислушался к шуму за оконными проемами, выглянул наружу. И лишь после этого приблизился к столу, заговорил вполголоса, чтобы его слова слышали только уши Особого порученца. Тот вытянул шею и округлил глазки. Фэр бросил брюхо на столешницу, почти лег на нее, спрашивая:

– Ты выполнил мое задание?

Дарон кивнул. Быхом не отрывал от него взгляда, ждал слов. Дарон кивнул еще и разлепил сжатые губы:

– Предупредил Желтую о нападении.

– Хорошо. – Фэр удовлетворенно выпрямился. – Видел ее?

Дарон утвердительно кивнул:

– Нет. В тумане ничего невозможно увидеть. Только говорил.

– Уверен, что с нею? – Быхом надул брюхо вздохом.

Дарон снова утвердительно кивнул:

– Даже если не с нею, то ей передадут.

– Маскируется, мерзкая дрянь! – Фэр надавил кулаком на крышку стола. – Но ничего, я ее все равно достану.

Дарон опять утвердительно кивнул и стиснул губы. Под рукой у него зачесалось, но он не двинулся, лишь плотнее прижал руку к телу и слушал фэра, не перебивая. Быхом обошел вокруг стола и пригнулся к уху Особого порученца:

– Ищейки принесли мне еще один донос: вольные крысы и мыши разносят весть, что на рубеже объявились посланцы неизвестной державы. Топают к презу Фарандусу. Я думаю, служака Бартакул за терров принял посланцев. Перестарался, напугал, потому и смылись от него чужеземцы. Дальше открыто не пойдут, сначала пересидят где-нибудь, а потом двинутся по тайным тропам до столичного городища. Рокмус и Бартакул, если быстро не нападут на след, сядут на мель. Придется обоим скормить каннибалам. Не жалко. А посланцам без проводников не обойтись: тайные тропы не пролегают открыто, редко кому известны. Ты нюхай, как крыса нюхай, и слушай двумя ушами, кто интересуется проводниками. Лови разговоры и смотри в

оба, ни одного деби не упусти из поля зрения. А теперь слушай новое поручение. Пока Рокмус будет шарить в поисках терров, ты седлай коней и прежде него выуди этих посланцев. Подставь им своих порученцев проводниками. Поймаешь на крючок, напои отравным зельем, потрави, как мышей. Мне нужны их трупы. Помни, я доверяю только тебе.

Особый порученец приучен был не задумываться над действиями фэра. К чему знать, чем вызваны задания, смысл его работы не в этом. Когда фэр отстранился от уха Дарона и снова, припрыгивая, стал снова челноком по помещению, Дарон, не спрашивая ни о чем, оторвал от сиденья приплюснутый зад и, мягко по-кошачьи ступая, беззвучно выскользнул за дверь.

Быхом остановился, остро глянул на прикрытую дверь и удовлетворенно потер ладони. Дверь открылась снова, в нее боком пропихнулся Самор. Не глядя в глаза Быхому, скользнул к скамье, куда указала рука фэра.

– Твои дармоеды, Самор, забыли, зачем я их кормлю, – прошипел Быхом. – Забили свои мозги мышами и крысами, будто других дел не стало. По делам забугорным изоврались, как дешевые шлюхи. Перестали совать нос в дела деби в землячестве. Давно не получаю доносов от твоих инквизов, не знаю, чем дышат деби в Пунском землячестве и о чем шепчутся по углам. Или ты забыл о законе: каждый дебиземец должен доносить на своего соседа, а твои дармоеды обязаны подслушивать и вынюхивать. В Пунском землячестве, как во всей Дебиземии, никто не может быть вне подозрений. В каждой щели надо искать терров. Вот и ищи и находи, даже если их там нет! Сейчас возьми под особый пригляд Чобика, Рокмуса и Дарона. Не верю я им. Никому не верю, кроме тебя.

Кожа и морщины на лице Самора чуть расправились:

– У меня всегда есть что донести, фэр. Тебе надо остерегаться их... – прошептал и перескочил на другое. – Да и крысы-каннибалы давно бездействуют, только друг дружку жрут. А през, помнится, обещал направить их в соседние державы для разборок и поживы. Оголодали, с удовольствием порвут на куски не только терров, но любых чужеземцев... – и вновь вернулся к началу разговора. – Я приставлю дополнительно инк-визов к тем, кого ты назвал, фэр. Ты будешь знать даже их сны и мысли во сне.

Быхом вприпрыжку протряс брюхом перед глазами Само-ра, удовлетворенно хрюкнул:

– Вот, вот, Самор! Вот именно, Самор! Сосед на соседа, а сын на отца! Исполни закон, городищенский инквиз, – и отмашкой ладони небрежно отправил Самора за дверь.

Долго еще, прихрамывая, частил по каменному полу туда-сюда, прислушиваясь к собственным шагам.

Малкин стоял по грудь в воде, издали из-за скалы наблюдал за рубежниками. Сзади него безмолвно прижимались плечами к камню Лугатик и Раппопет. За ними на мокром просторном каменном выступе возле глубокой кривой расщелины в кучку сбились вымокшие и уставшие Сашка, Карюха и Катюха. А рядом на большом, торчащем из воды неровном камне сидела черная крыса Крабира с серой мышью Данидой.

Люди нервничали: парни напряженно играли мышцами, девушек била легкая дрожь. Никто из них больше не желал вновь уткнуться носом в землю, спутанным по рукам и ногам. Позади нелегкая дорога: весь день пытались замести следы.

Но на исходе дня оказалось, что погоня Бартакула не была напрасной. Не обнаружив следов, отрядник, тем не менее, нащупал правильное направление, не зря слыл опытным воином. Усталость притупила чутье, но не лишила воинской смекалки. Он всматривался в далекий прибрежный утес, за которым укрылись люди, никого не видел, но понимал, что не уйдет отсюда, пока не обследует скальные нагромождения.

Лошади, напившись, фыркали удовлетворенно, цокали подковами по камням. Рубежники топтались на берегу, поглядывали на Бартакула, ждали команды. Отрядник показал вдоль

берега на скалу и вскочил в седло. Оставалось немного времени для продолжения поиска: наступающая ночь уже толкала впереди себя сумерки, волоча одеяло темноты.

Малкин заметил, как забеспокоились Крабира и Данида. Непревзойденная проныра вытянула острый нос:

– Они скоро будут здесь. Я чую мысли рубежников. Бартакул решил осмотреть вокруг скалы.

– Чуешь мысли дебиземцев? – недоверчиво протянул Рап-попет. – Ты, может, и мои мысли знаешь? – не получил ответа, ухмыльнулся, не поверил.

– Улавливаю в воздухе тревогу, – причмокивая, добавила Данида, – движется в нашем направлении.

– Что-то я ничего не улавливаю, – вставил Лугатик, отодвинул Ваньку, выглянул за уступ. И сразу растерянно обернулся, присел в воде. – Кажись, пора отсюда рвать когти. Я же не зря толмачил – вернемся назад, за рубеж Дебиземии. И чего поперлись вглубь чужих земель? Теперь пожинаем плоды, теперь точно угодим в пасти к каннибалам! – выпалил с досадой, не обращая внимания на брызги воды, бьющие ему в лицо. – Хотя здесь везде для нас чужие земли. Что делать-то будем? – тревожно выпрямился, лихорадочно вытер лицо руками.

– Перестань дрожать, всякая дрожь вызывает волнение в воздухе, рубежники могут тоже учуять, – предупредила Данида. – Все перебирайтесь на выступ. Спрячемся в расщелине, – и первой с камня перепрыгнула на скальную площадку, где молча сжимались девушки.

Катюха дернулась, когда хвост превосходной Даниды слегка коснулся ее ноги, плотнее прижалась к камням, удрученно пролепетала:

– Расщелина узкая, в ней даже одному не поместиться, – с губ еще не слетели последние слова, как прыжок Крабирь заставил девушку умолкнуть.

Крыса перенеслась на выступ, и ее голос повторил слова Даниды:

– Все сюда. Расщелина скроет нас, – она изогнула в воздухе хвост, приготовилась чиркнуть кончиком по людям, чтобы уменьшить их до размеров обычных грызунов.

Но Малкин нахмурился, предложение не понравилось, показалось унижительным. С какой стати, черт побери, терять человеческий облик и забиваться в расщелины? Раппопет досадливо сплюнул. Хотя рубежники вооружены до зубов, но сколько можно от них бегать? Лугатик тоже захорохорился: надоело труса праздновать. Эх, если бы не голые руки.

А мышь и крыса ждали. Терры должны были сами сделать выбор.

Сашка оттолкнулась от скалы и с края скального выступа прыгнула в воду. Знала, страх может загнать в любую щель, и есть два способа вышибить его – шагнуть навстречу опасности или найти окольную дорогу. Малкин увидел ее горящие глаза и выпрямил спину. Карюха шагнула с выступа за Сашкой. С лицом безнадежного смельчака, который полез в драку, не представляя, чем все закончится.

Водный поток стремительно несся по изгибу русла, гулко колотился боками о прибрежные камни. Горная гряда, из глубины которой он выплескивался, тянулась к горизонту и ежилась темным лесом. Далеким холм, за коим вода терялась, мрачно торчал песчаной плешью, еще дальше такие же холмы упирались в рубеж Дебиземии.

Катюха присела у края каменного выступа, заметив Крабире:

– Воительница Доннаронда говорила о ловушке для дебиземцев. Но эта щель в скале – ловушка для посланцев. Ты уверяла, что крысы и мыши разносят по Дебиземии весть о посланцах, тогда почему мы бежим и прячемся? Объясни.

– Примадонна сказала: объявите себя посланцами, – отозвалась крыса, приблизив морду к лицу девушки. – Вы не сделали этого.

Катюха соскользнула с выступа в воду. Малкин высунулся за утес и смотрел, как рубежники, не достигнув скалы, развернулись в другую сторону. Оттуда в сумеречном свете скакали всадники в воинском снаряжении.

Из-под копыт взмыленных лошадей летели камни, подковы высекали звон. Впереди галопировал Рокмус в накидке красного цвета. За ним, отстав на корпус лошади, – отряд в пятьдесят конников.

Бартакул по цвету накидки издали узнал гарнизонника, в груди екнуло. Появление Рокмуса ничего хорошего не предвещало, означать могло лишь одно: Быхому известно о промашке рубежников, даже известен путь поиска.

Отрядник машинально дернул за потертый повод, вздыбливая своего коня. Интуитивно понял: если терры рядом, то удача неминуемо переметнется в руки Рокмусу, а ему, Бартакулу, достанется задница фортуны и позор. С остервенением хлестнул плетью по крупу лошади, снова отправляя ее вскачь вдоль берега к утесу. Лихорадочно подгонял непрерывным рыком.

Конь Бартакула рассекал грудью воздух, отбрасывая клочья надвигающихся сумерек. Перед утесом отрядник натянул повод, взмахом руки отправил двоих рядовых рубежников в обход скалы. Те гикнули, пятками ударили по бокам лошадей, и подковы раздробили камни. Бартакул мотнул головой третьему рубежнику, приказывая следовать за собой, и повернул коня к воде. Пробежал глазами по изломам скалы, по яростно бурлящей воде, привстал на стременах.

Малкину почудилось, что отрядник заметил его высовывающуюся из-за камня голову, игра в прятки заканчивалась. Но даже если не заметил, все равно надо было принять решение. Теперь оставалось одно: объявиться посланцами к презу Фарандусу, а дальше – по обстоятельствам. Приятели словно поняли Ванькины мысли, сомкнулись. Парни сжали кулаки, девушки взяли за руки.

Крабира и Данида на выступе уменьшились, юркнули в скальную щель.

Малкин шагнул за ребро утеса, увлекая за собой друзей.

Отрядник взвыл от радости, увидав преследуемых: удача снова шла ему в руки, все-таки настиг. Направил лошадь в воду. Удивился, что терров шестеро, но в следующий миг подумал: больше пойманных терров – больше почета и славы. Одутловатое лицо Бартакула оскалилось, мясистый нос как будто вспух и округлился. Отрядник выхватил палаш, рубежник за его спиной повторил то же движение.

Лошади по стремяна вошли в реку, кожаные боты на ногах деби захлестнуло водой. Палаш взлетел над головой Бартакула и резко рассек воздух:

– Хотели улизнуть от меня, терры! Это никому еще не удавалось! – Полы зеленой накидки поверх кожаных доспехов заиграли металлическими шипами. – Подойди, Бат Боил! Двигай мослами, терр!

Малкин приблизился. Отрядник нацелил острие палаша ему в грудь. Рубежник враждебно направил острие своего оружия на остальных.

– Ты заблуждаешься, Бартакул, – сдержанно сказал Ванька. – Я не Бат Боил и мы не бежим, потому что не терры. Мы посланцы к презу Габу Фарандусу из иноземной державы. Находимся под его защитой. Ты препятствуешь нам, през не пожалует за это.

От неожиданности отрядника заклинило, он на миг окостенел, потерял нить мысли. Страх перед Фарандусом сковал скулы, лишь через минуту лицо стало меняться, глаза вытаращились, а шум воды заглушил сип изо рта. Рука с палашом упала вниз. Вожденная слава начинала ускользать, таять, как струйка дыма. Однако, сопротивляясь этому, Бартакул с надрывом вытолкнул из горла:

– Для каннибалов все равно!

– Но не для воинов Дебиземии, – парировала Сашка из-за плеча Малкина, уязвив отрядника, будто тот потерял нюх и не способен отличить терра от посланца к презу.

Воины Рокмуса приближались к берегу реки. Подковы их лошадей вгрызались в камни, высекая искры. Разгоряченные животные хрипели, а запыленные грязные воины были возбуждены.

Бартакул затылком улавливал усиливающийся шум лошадиной скачки, и это толкало его быстро реагировать на слова Сашки:

– Заткнись, терра! Уж Бата Боила я ни с кем не спутаю! – Потянул на себя зашарпанный повод, развернул коня и выехал из воды.

Рокмус осадил свою лошадь, перевел на шаг. Остановился в десяти метрах от Бартакула, наклонил вперед длинную голову на вытянутой шее. Жесткий кадык, как острие ножа, прошелся вверх-вниз по горлу:

– Вижу, нужна моя помощь, отрядник, добыча не дается тебе в руки! Сначала ты упустил терров, а теперь блеешь перед ними. Забыл, что у тебя нет ушей, чтобы слушать терров, и нет языка, чтобы болтать с ними? Посторонись. Я разговаривать с ними не стану!

Гарнизонник Рокмус был воинским начальником Бартакула. Субординация требовала от отрядника беспрекословного подчинения, но его душа смириться не могла, разрывалась на части от зла, досады, обиды, унижения:

– Это я захватил их, – визгливо проскулил он.

Земля из-под его ног начинала уходить. Мозг закипал, парализуя. И в это мгновение мутный взгляд Бартакула выхватил вдалеке новый отряд всадников. Их было не менее тридцати, они неслись к берегу во весь опор. На переднем всаднике ветром трепало розовую накидку. Цвет накидки мигом привел в чувство отрядника, заставил вздрогнуть.

Особый порученец фэра Быхома всегда вызывал страх у дебиземцев, даже у отъявленных вояк, каким был Бартакул. Дарон никогда не появлялся случайно. Он был не менее коварен, чем городищенский инквиз Самор. Порученцы Дарона всякий раз появлялись неожиданно, и целью их появления мог быть каждый.

Отряд Дарона скакал, плотно сомкнувшись, поднимая пыль. Шум скачки сливался с шумом реки.

Рокмус также бросил взгляд назад, нахмурился, испытал те же чувства, какие недавно пережил Бартакул, увидав отряд гарнизонника. Верхняя губа Рокмуса сильнее выступила вперед, а кадык судорожно резанул по горлу. Гарнизонник догадался: появление Дарона связано с тайным поручением фэра. Знать бы, что это за поручение, на душе не так нудно свербело бы. Но все непредсказуемо, когда рядом возникает Дарон.

Малкин заметил, как деби на берегу забеспокоились. Даже сумрак не смог скрыть этого. Все определенно были встревожены появлением нового отряда. Забыли о людях, и Ванька воспользовался этим, стал с друзьями пятиться в воду, навстречу потоку, к ребру скалы, надеясь снова скрыться за ним. В этом не было смысла, однако еще больше не было резона торчать на одном месте при виде опасности. Замкнутый круг.

Отряд Дарона круто осадил лошадей, накрыв пылью всех. Особый порученец остановился так, чтобы одновременно видеть Рокмуса и Бартакула. Привстал на стременах, круглые глазки, казалось, продырявили каждого из них. Неожиданный вопрос Дарона привел в короткое замешательство Рокмуса и в мгновенную ярость Бартакула:

– Рокмус, фэр приказал тебе убить отрядника, что же ты медлишь?

Все, что произошло после этого, было за гранью ожидаемого. Конь Бартакула, ужаленный плетью в брюхо, вздыбился и мгновенно преодолел расстояние до гарнизонника. Тяжелый палаш отрядника со свистом жажнул по шее Рокмуса. Тот даже не успел защититься. Голова в кожаном шлеме отделилась от тела, брызнула кровью и упала на камни, покатилась, прочертив кровавый след. Туловище гарнизонника некоторое время оставалось в прежнем положении, кровавые струи пропитывали красную накидку и текли по кожаным доспехам, затем медленно начало валиться набок и сползать с седла. Упало вниз глухо, безжизненно, вцепившись мертвой хваткой в ремень повода. На миг воины оторопели, остановили дыхание, никто не шевельнулся.

Малкин с друзьями замер.

Лошадь Рокмуса громко заржала, словно поняла, что случилось. Взбрыкнула и отпрянула в сторону, потащила по камням мертвое тело.

Дарон не повел бровью, его большие уши на мгновение стали торчком, как у собаки, а правая рука резко дала отмашку. Несколько рядовых порученцев в сизых накидках с розовыми нашивками на левой груди вскинули луки и выпустили по стреле.

Бартакул не вскрикнул, он как бы недовольно заворчал и захрипел, когда стрелы пронзили его шею, пропоролы кожу доспехов и продырявили тело. На лице осталась ярость. Он рухнул с коня тяжело, точно нехотя и не веря тому, что это произошло.

Дарон повернул голову к реке, поймал глазками Малкина с друзьями. Вода была им по грудь. Особый порученец бешено закричал, показывая на них.

Рубежник у кромки воды торопливо хлестанул коня, отправляя его за людьми.

Трое порученцев Дарона тоже пришпорили лошадей, устремляясь в воду.

Борясь с потоком, люди упорно уходили. Один за другим: Лугатик, Карюха, Катюха, Раппопет, Сашка и Малкин стали исчезать за утесом. Водой захлестнуло. Дно из-под ног ушло. Когда вынырнули, очутились в густом черном тумане. Вода отхлынула. Люди ощупью притиснулись друг к другу. Медленно двинулись к берегу.

Почти вышли из реки, и тут Малкин снова потерял под собой опору. Его подкинуло вверх, куда-то потащило, перехватило дыхание. Потом бросило вниз, затем – шум в ушах и влажная пелена в глазах.

Глава третья. Питейное заведение

Падение было беспорядочным.

В себя пришли внезапно.

Длинное узкое помещение. Под низким потолком плавают дымные клубы от обильного жарева. Вдоль бревенчатых стен – замызганные столы со скамьями в два ряда. Между ними тесный проход к входным дверям. В проходе толкотня, за столами гвалт, стук по столешницам деревянных ковшей с хмельным зельем, медных плоскодонных чашек с едой и скребня ложек по чашкам. Вместе с запахами жарева висит духота.

За столами сидят завсегдатаи, пьют и едят, как в трактире или таверне. Кромсают ножами и рвут зубами мясо, бросают в чашки кости. Одежды разнообразные: накидки, размахаи, капюшоны, рубахи. Взапах и нараспашку, с воротами и без. С поясами, пряжками, завязками. За каждым столом свое веселье, свой галдеж.

Люди обнаружили, что сидят они за грязным столом, заставленным медными чашками с варевом и деревянными ковшами с хмелем.

Малкин с любопытством оглядывается, приближает к себе ковш, тянет носом воздух: кислый запах прошибает до мозгов. Морщится, отодвигает.

Приятеля тарачатся вокруг, пока не замечают, что бесцеремонное разглядывание посетителей тем не по нраву. Пьяные раскрасневшиеся лица все чаще недовольно поворачиваются к людям и раздраженно кривятся. Парни отворачиваются, девушки упираются взглядами в блюда.

Раппопет отхлебнул полглотка хмеля и закашлялся: пойло, настоящее пойло. От соседних столов разнесся гогот.

Лугатик засаленной деревянной ложкой попробовал бобовое кушанье, рот обожгло жгучим перцем, парень покраснел, покрылся потом, но пересилил себя, проглотил. Новый хохот ударил по перепонкам. Лугатик исподлобья глянул на соседний стол: завсегдатаи поглощали такое же кушанье за обе щеки. Володька отдышался и потянулся за хлебом. В других чашках было еще что-то, но он больше не хотел рисковать.

А девушки черпнули из плошки что-то травянистое и сосредоточенно стали жевать.

Из-за стола напротив поднялся сутуловатый посетитель в сером размахае, с седой бородкой на корявом лице, высоким лбом и лохматыми пегими волосами. Стукнул по плечу Малкина, дыхнул кислым хмелем ему в ухо:

– Вижу, недавно в этих местах? Откуда притащились? За нашим столом все из Куронжи. Слышали о такой державе? Мы тут, как один, переселенцы. Я из самых первых, зовусь Туканом. Даже забыл, сколько лет моя семья гнет спины в Пунском землячестве, внуки здесь родились. А за теми столами, – Тукан мотнул головой, подождал, когда Малкин посмотрит туда, – спускают монеты переселенцы из Бракры и Фунтурии, вот там переселенцы из Икрели и Бавазори, а в углу – кто откуда. Но у всех у нас на левом плече желтая нашивка, это означает, мы тут чужаки. Многие мечтают избавиться от этой нашивки, да не так-то просто стать дебиземцем. Можно прожить здесь три жизни, но так и остаться с нашивкой на плече.

– Где мы находимся? – приглушенно спросил Малкин, чуть повернув голову.

– Что, приятель, издавека тащились, все названия в голове перемешались? – Тукан пьяно качнулся, лбом уперся в Ванькин висок. – Бывает, не такое бывает, – крикнул, набрал в легкие воздух. – В городище Пун, приятель. Под самым носом у фэра Быхома. А это питейное заведение Абрахмы, лучшее в городище, – перешел на шепот, – потому что Абрахма – жена фэра. Отменная сучка. Скоро узнаете, приятель.

– Ну и как, Тукан? – Малкин еще раз огляделся. – Здесь лучше, чем дома? – спросил, заметив, как из полутьмы дальнего угла неотрывно сверлил его чей-то настойчивый холодный взгляд.

Переселенец ответил не сразу, сначала хмыкнул неопределенно, повел блуждающим взором по головам, протянул:

– Живем, – и неожиданно проворно шмыгнул на свое место, шепнув напоследок: – Коренные приперлись. Дебиземцы. Прикуси язык, а то угодишь к крысам-каннибалам.

В двери шумно ввалилась веселая ватага расфранченных дебиземцев. Изыски в одежде: огромные вороты рубаш, фалдящие полы накидок, под накидками широкие кожаные пояса с кистями, узкие штаны, боты на шнурках, высокие головные уборы, кинжалы с резными ручками. Все это говорило о состоятельности вошедших. Они без церемоний облюбовали один из столов, вышвырнули веселившихся за ним переселенцев и разместились сами. Вытуренные завсегдатаи, притихнув, обиженно приткнулись к другим компаниям. В питейном заведении повисло напряженное недовольство.

Из-за жаровни вывернулся разносчик блюд: здоровенный лоб в синей распахнутой блузе с засученными рукавами, с сальной заплывшей мордой и жирными по локоть руками. Он привычно и подобострастно улыбнулся новой компании, крупной ладонью смел со стола остатки пищи переселенцев, двинул по столешнице деревянные штофные ковши с хмелем. Одним духом смотался в кухонный угол и поставил перед коренными чашки с дымящимся жаревом из кусков мяса.

Дебиземцы выхватили кинжалы, воткнули перед собой в крышку стола и вцепились в штофы. Над столом взметнулся довольный рев и понесся под потолком, подхваченный головами переселенцев.

А у стола, где сидел Малкин с приятелями, из клубов жаровни возникла расхристанная взбитая вертлявая разносчица в широкой юбке и раздерганной серой блузке. В большом разрезе болталась смачная грудь с крупными ядреными сосками. У каждого стола, где разносчица крутилась юлой, ей в разрез блузки и под юбку завсегдатаи запускали грязные руки. Она по обыкновению не обращала внимания и даже как бы радовалась успеху у пьяных посетителей. Никому не отказывала, но успевала при этом расставлять штофы и пищу на столешницах.

Качнула грудью перед глазами Раппопета, обдала жарким кислым потом, толкнула бедром и показала в улыбке мелкие зубки. Кинула взгляд по нетронутым штофам и вопросительно сморщилась. Непьющие посетители всегда вызывали подозрение в питейном заведении, на таких не разживешься. Это либо нищие, либо жадные, либо терры. Широкой пухлой рукой разносчица шустро придвинула ковш к Андрюхе:

– Размочи губы, крысенок, хозяйка дает в долг. Окажи почтение хозяйке, она добрая. Расплатишься, когда монетами разживешься. Здесь все переселенцы так начинают.

– Я не переселенец, – буркнул Раппопет и тут же понял, что допустил оплошность, никто не тянул за язык.

– На терра тоже не походишь, выделяешься в этой одежке, – прищурилась разносчица, рассматривая Раппопета. – И не деби, милоч. У тебя не только одежка, но и повадки не наши. Дикий ты. Ни разу руку не запустил мне под юбку, – крепко схватила его ладонь и потянула к своим бедрам.

Раппопет наткнулся на усмешливый взгляд Карюхи и поперхнулся, выдернул руку из замазанных пальцев разносчицы:

– Отвянь! Ты не в моем вкусе!

Разносчица захлебнулась от возмущения, мгновенно рассвирепела, вцепилась ногтями в его плечо:

– Ты со мной за перегородку не ходил, чтобы судить, обглодыш крысы! По вкусу выбирают в доме свиданий, а у нас надо пить и жрать! И платить не забывай! Не заплатишь, хозяйка

крысам-каннибалам скормит! – отошла, недовольно раздувая щеки, тут же в проходе между столами подхваченная пьяными руками переселенцев.

После таких слов Лугатик подумал, что вляпались основательно. Чтобы заплатить, денег не было. Черт знает, куда кривая выведет. Притихшие девушки сжались. Малкин глядел на горластое сборище за столами, видел, что хмель завсегдатаям начинал сносить головы. Переселенцы заплетали языками, коренные дебиземцы требовали новых штофов, пьяно расплескивая зелье из наполненных ковшей. Ванька поймал взглядом кинжалы, разбросанные по столу дебиземцев. Рассудил, что не мешает прихватить, если приспичит выметаться, надоело ощущать себя беззащитным, когда бряцают оружием и угрожают скормить крысам-каннибалам.

Скоро здоровенный разносчик пищи начал вышвыривать за двери тех, кто от хмеля отрубался окончательно, освобождал места для новых посетителей. В пьяном гвалте плохо различались голоса, а если слышались, то невозможно стало понять тарабарщину, которую несли. Лишь в дальнем углу веселого оживления не наблюдалось. Странная фигура в серой накидке с жабо сидела по-прежнему прямо, и полутьма не скрывала колющего взора из-под бровей, обращенного на Малкина.

Возле стола снова возникла вертлявая разносчица, как пиявка вонзилась глазами в Раппопета:

– Пора платить, огрызок крысиной задницы! Засиделся со своими шлюхами! Двадцать фарандоидов и валите все вон, пока живы!

– За что так много? – возмутился Раппопет, интуитивно почувствовав, что разносчица пытается содрать с них три шкуры. Между тем никто из друзей никогда не держал в руках даже одного фарандоида, понятия не имел, как они выглядят и сколько может стоять кушанье на столе.

– Много? – взвизгнула разносчица. – Жрал не думал, а платить – жаба гложет, монеты жмешь! Жратва – пять фарандоидов, питье – двенадцать, под юбку ко мне три раза лазил – три фарандоида!

– Чего мелешь? – мячиком подскочил с места Раппопет. – Под юбку я к тебе не лазил! Значит, минус три фарандоида. Питье никто не тронул. Забери назад. Еще минус двенадцать фарандоидов. Жратву едва клюнули. Дрянь, а не жратва. От таких харчей ноги протянешь быстрее, чем от голодухи. Выходит, ты должна заплатить мне пять фарандоидов за то, что я лизнул языком твою отраву. Итого – квиты, ничего я тебе не должен!

У разносчицы от напора Андрюхи глаза налились кровью, она истерично скорчила гримасу, вцепилась замасленными пальцами в его волосы:

– Он отказывается платить! – завопила как резаная. – Из твоих мозгов жаркое сделаем, если не заплатишь!

Обстоятельства поворачивались к людям задом. Раппопет барахтался в руках разносчицы, не решаясь ударить женщину, отдувался за всех. А от жаровни к ней на помощь двигался мускулистый разносчик с огромными кулаками. Дело принимало нежелательный оборот. Остановить разносчицу было невозможно, она вошла в раж.

В этот миг двери питейного заведения широко распахнулись и в них возникла высокая женщина с огромным бюстом, как у коровы вымя. Грудь не помещалась под расшитой золотистыми узорами легкой черной накидкой, свободно ниспадавшей вниз на широченные бедра. Длинная черная тяжелая юбка скрывала ноги. Плечи были узкими, голова крупная, с большой копной черных волос, утыканных дорогими заколками. На широком лице глубоко посажены хищные глаза. Под курносым носом черный пушок волос и маленький рот.

Женщина на миг задержалась у двери, окинула взглядом помещение, мгновенно оценила обстановку. Из ее небольшого рта вырвался густой грубый голос, заглушивший гам посетителей и вопли разносчицы:

– У меня появились новые должники?!

Разносчицу словно плетью хлестнули, она вздрогнула, проглотила вопль и обернулась к двери:

– Хозяйка, они не хотят платить! Тридцать фарандоидов зажимают!

– Разве тридцать? – сильно хлопнула дверью Абрахма. – С должников я беру с процентами!

– Да, хозяйка, они должны сорок монет.

Абрахма широким шагом двинулась по проходу, огромная грудь тяжело закачалась:

– Вот я и говорю: пятьдесят. Новые переселенцы? Им еще незнакомы мои правила. Ты объяснила, что правила просты: в Пунском землячестве все платят столько, сколько говорю я!

Глаза людей усталились на Абрахму. Раппопет играл желваками. Лугатик втянул шею в плечи. Катюха уловила неприятную дрожь в коленях. У Карюхи налились мышцы и сузились глаза, как у кошки, готовой к прыжку. Сашка сжала скулы и крепко сдавила пальцами край столешницы. Малкин чуть оторвался от сиденья, подался вперед, ощущая сильный стук в висках.

– Объяснила, хозяйка, – заюлила разносчица. – Я все объяснила вот этому дерьмовому обглодышу! – ткнула пальцем в Раппопета.

Абрахма остановилась у стола, обвела людей взглядом, особо осмотрела девушек и застопорила глаза на Малкине. Что-то указало ей, что за Ванькой в этой компании последнее слово. Хищные глаза ощупали голый торс парня, а ноздри чуть задрожали, втягивая его запах.

Разносчица уменьшилась и убралась в сторону. За соседним столом притихли переселенцы, на ходу трезвея. Видно было, что все они хорошо знали хозяйку заведения, цепенели при ней и не завидовали в этот момент Ванькиной компании.

– Что скажешь, длинный? – громко спросила Абрахма. – Только не ври, что нет фарандоидов. Я вижу, ты не нищий, у тебя есть не меньше пятисот монет, – она перевела взгляд на девушек. – Продай мне своих шлюх, плачу за них пятьсот фарандоидов. У меня лучший в городище дом свиданий, монетные дебиземцы дорого платят за хороших шлюх. За этих я подниму цены втрое. Не раздумывай, переселенец, у тебя нет выхода, иначе силой заберу шлюх в зачет твоего долга. И учти, я никогда никого не уговариваю, все сами упрашивают меня.

Малкин медленно поднялся со скамьи и прямо посмотрел в ее хищные глаза:

– Здесь нет шлюх. Это мои друзья, а друзей я не продаю, – просипел с вызовом и неприязнью.

Абрахма тяжелым вздохом вздыбила грудь, в горле сначала заклекотало, потом грубый голос высек:

– Ты не переселенец! Те продают собственных детей, лишь бы угодить мне. Кто ты? Бродяга или терр? Я отправлю тебя к фэру Быхому, от него у тебя будет один путь – в бункер к крысам-каннибалам, а твоих шлюх заберу в дом свиданий задаром.

Напряжение за столом было таким, что никто не видел, как из дальнего угла поднялся деби в длинной серой накидке с жабо, в фасонных ботах на ногах, тканевых штанах и незаметно возник за спиной Абрахмы:

– Сколько он задолжал тебе, Абрахма? – раздался его одноцветный голос.

Та выпятила полные губы и оглянулась. Взглядом, как клювом, проткнула холодные широко расставленные глаза посетителя, его впалые щеки, большой нос, большой рот, широкие челюсти и шумно выдохнула:

– Это ты, Бат Боил? Ты опять появился в моем заведении? Я рада видеть тебя. Хочешь заплатить за этого бродягу? Но стоит ли бродяга твоего покровительства, если, конечно, он не терр? А может, ты от щедрости хочешь вытащить его из дерьма? Твоя щедрость меня всегда восхищала. Так и быть, я сегодня в хорошем настроении, продаю его долг по дешевке, за тысячу фарандоидов.

Бат Боил неторопливо опустил руку в глубокий карман накидки, вытащил горсть монет, резко сунул в протянутую ладонь:

– Вот тебе сто фарандоидов и забудь о нем, – сказал монотонно и отрывисто.

Абрахма недовольно надула щеки, глядя на монеты:

– Ты не слышал мою цену, Бат? – спросила, едва сдерживая внутренний взрыв. – Я сказала: тысяча.

Бат Боил утробно заурчал, сморщился, приблизился к ней и процедил на ухо:

– Я могу на тебя обидеться, Абрахма. Разве мои сто фарандоидов стоят меньше твоей тысячи? Сто уже в твоих руках, а тысяча лишь дым под потолком.

Хозяйка питейного заведения беззвучно прожевала губами, судорожно сжала в руке монеты и вдруг рассмеялась неестественным вымученным смехом. Огромная грудь заходила ходуном, едва не выскакивая за пределы накидки:

– Все так, Бат Боил, все так. Мне нравится твоя щедрость. Люблю, когда твои монеты оседают в моих карманах. Но прибавь за шлюх, они в доме свиданий могли бы принести мне хороший доход. Ты лишаешь меня этого дохода.

– Не преувеличивай, Абрахма, – протянул на одной ноте Бат Боил. – Со мной у тебя не бывает уронов. Забыла, сколько фарандоидов переключало в твои карманы из моих? Зачем киваешь на девок, знаешь, что я никогда не плачу за шлюх?

Малкин мрачно не встревал в перепалку. Кулаками опирался на столешницу. Нагнул голову и смотрел исподлобья.

Коренные дебиземцы умерили пьяный галдеж, приглушили икоту обжорства и пялились на девушек, как на шлюх в доме свиданий.

У девчат внутри все кипело. Однако явное враждебное окружение подавляло порывы ярости. Неизвестно к чему мог привести конфликт.

Раппопет и Лугатик сжимали зубы, пытаясь из диалога понять, чем все закончится.

Ванька зашевелился, переступил с ноги на ногу, привлекая к себе внимание. Абрахма и Бат Боил повернулись к нему. Но его голос потонул во внезапном шуме, вплеснувшимся в дверь питейного заведения.

С улицы внутрь ворвалась толпа стражей инквизов в кожаном облачении с синими широкими поясами и медными пряжками. На плечах синие наплечники, по кожаным шлемам синие шнуры. Палаши в руках. Перекрыли вход и окна. Передний, с длинным утиным носом, бросился к хозяйке питейного заведения. Та встретила стража удивленным грубым возгласом, осадила, подавляя его прыть:

– Ты что, Бубран, с цепи сорвался? Ввалился со своей сворой, как пес голодный. Хлебнуть хмельного зелья захотел? Но ведь стражам инквизов запрещено лакать хмель.

– Донос, Абрахма, в твое питейное заведение терр Бат Боил затесался! – выпалил страж инквизов. – Теперь попался, от меня не уйдет, уж я возьму его за глотку.

Жадный взгляд Абрахмы метнулся по Бату Боилу, провалился в холод его глаз, вырвался, облипший наледью, и закувыркался по головам посетителей питейного заведения.

Бубран скрипел кожей доспехов, нетерпеливо и заискивающе переминаясь перед Абрахмой. У него за спиной топтался страж, разворачивая в руках свиток.

Малкин вспомнил свиток Бартакула и усмехнулся: если у стражей инквизов такая же мазня, то никому из посетителей сейчас не позавидуешь. По поведению Абрахмы Ванька почувствовал, что хозяйка заведения не укажет на Бата Боила, не захочет потерять источник дохода.

Раппопет и Лугатик напряжились, помня, как рубежник доказывал, что Малкин это и есть главный терр.

Посетители отводили лица от Бубрана.

Сашка, Катюха и Карюха с любопытством поглядывали на Бата Боила, пытаясь угадать, что тот предпримет в обстановке, когда все присутствующие знали, кто он, и всякий мог на него указать перстом.

Гадать долго не пришлось, потому что Абрахма вновь оживилась и вдруг ткнула пальцем в первого попавшего под руку переселенца. Им оказался Тукан. Ее палец сверлил плечо Тукана, точно прожигал раскаленным прутом:

– Это он! – вздернула кверху курносый нос.

Тукан сник, уперся седой бородкой в крышку стола, сутулая спина еще больше сгорбилась под серым размахаем. Бубран качнулся к Тукану, крепкими пальцами вцепился в лохматые пегие волосы, потянул к себе и замер, обронив озадаченно:

– Это же Тукан, переселенец из Куронжи.

– Был Тукан, – грубо отрезала Абрахма. – Оказался Бат Боил!

– Да, да, – подтвердил Бат Боил. – Это он, – и сунул в ладонь Бубрану несколько монет.

Тот пересчитал их и крикнул:

– Для полной уверенности не хватает двух монет.

Бат Боил добавил. Бубран спрятал, довольно прочавкал:

– Теперь вижу, что он отъявленный терр. Долго мозги морочил под личиной Тукана, – повел глазами по посетителям. – Кто еще может подтвердить, что это Бат Боил?

Притихшие за столами переселенцы с желтыми нашивками на плечах задвигались, замурчали, закашлялись, закричали, зачмокали, а затем посыпали голосами, как из рога изобилия:

– Подтверждаем, подтверждаем, – понеслось от столов, – так, так, – замахали руками, указывая на Тукана. – Это Бат Боил!

Бубран снова крикнул, погладил рукой карман, в который провалились фарандоиды, и провозгласил:

– Теперь ему крышка! Больше вы его не увидите! – вскинул густые брови и вперился удивленным взглядом в Малкина. – А этот кто такой есть? Первый раз вижу. У нас не стоит на учете. Может, тоже Бат Боил?

– Он и есть, он и есть, – вдруг задергался и сбивчиво заскулил Тукан. – Ты ошибаешься, Бубран. Бат Боил не я. Смотри лучше. Этот самый.

– Какая удача, – удовлетворенно похлопал по коже доспехов Бубран. – Два Бата Боила. Есть из кого выбрать. А лучше загребу-ка я сразу обоих, тогда уж точно не прогадаю. Городищенский инквиз Самор будет доволен. Теперь он с легкой душой может отправляться в крысий лес, на этот раз вольным крысам не поздоровится, – расширил ноздри утинового носа, приблизился к Ваньке, втянул воздух, обнюхал парня. – Что скажешь, Абрахма, про этого урода?

Абрахма ухмыльнулась и промолчала, хотя у нее загорелись глаза, когда она вновь остановила хищный взгляд на девушках.

Симпатичное лицо Карюхи, ее тонкие черные брови, шелковистый волос, красивая грудь и гибкое загорелое тело, хорошо различимое сквозь сеточку рубашки, – все притягивало похотливые взгляды завсегдатаев. Посетители непрерывно зыркали по девушке, хмыкая и дрожа ноздрями. Беспцеремонно разглядывали и Сашку. Ее длинные русые волосы, карие глаза, прямой нос, красивые губы и маленькая грудь под синей футболкой заставляли дебиземцев и переселенцев облизываться. Ну а миловидная брюнетка Катюха с высоким лбом, небольшими ушками и аккуратным носиком, в облегающих джинсах и обтягивающем светлом топе, вызывала желание не только у посетителей заведения, но и у самой Абрахмы.

Жена фэра Быхома не хотела упустить этих девушек, они уже виделись ей очередной добычей для дома свиданий.

Однако тут вмешался Бат Боил, запустил руку в карман, и в ладонь Бубрана посыпались новые монеты:

– Это мой должник, – сказал терр, указывая на Малкина. – Я бы не хотел потерять должника и лишиться своих фарандоидов.

Бубран, как водится, пересчитал монеты, крикнул:

– Опять не хватает двух монет.

Терр добавил. Бубран сжал деньги в кулаке и отвернулся от Малкина:

– Мне достаточно одного Бата Боила, – кивком головы отдал команду своим стражам.

Те набросились на Тукана, скрутили и повели к выходу. Переселенец пытался возражать, но его уже никто не слушал. Бубран вышел последним. Когда за ним захлопнулась дверь, в питейном заведении повисла тишина, которую нарушало устойчивое шипение жаровни. Абрахма качнула огромной грудью, метнула взгляд на разносчицу:

– Каждому по штофу, чтобы радовались, что никто из них сегодня не стал Батом Боилом! Посетителей разом прорвало, довольные голоса заплескались во все стороны.

Малкин поймал глаза Бата Боила:

– Что тебе от меня нужно? Зачем ты выбросил кучу фарандоидов?

– Я знаю, кто ты, – однотонно отозвался Бат Боил. – Ты и твои спутники – посланцы к презу Фарандусу.

– И что это меняет?

– Мне нужен верительный свиток.

Малкин усмехнулся над Батом Боилом и над собой одновременно: терр хотел завладеть тем, чего у Ваньки не было:

– Ты напрасно выбросил фарандоиды, – сказал он, глянув мельком на соседний стол с кинжалами на столешнице.

Раппопет уловил движение Ванькиных глаз и тоже покосился.

И взгляд Лугатика потянулся к кинжалам.

У парней появилось ощущение, что опять все повисло на волоске, неизвестно, что могло произойти через секунду. Чертовски захотелось вырваться из стен питейного заведения, но что ждало за этими стенами и что вообще там было – никто не знал.

– Не думай, что ты хитрее меня, – проговорил Бат Боил Ваньке. – Ты здесь, как в клетке. Если выйдешь из этих стен, то стены городища станут твоей новой клеткой. Кинжалы, на которые косишься, мало чем помогут. Еще ни одному посланцу не удалось добраться до Фарандуса. Хотя посланцы под защитой преза, но през далеко, а остальные дебиземцы признают только монеты, которых у тебя нет. Чтобы выжить, тебе придется принять или мое предложение, или предложение Абрахмы. Кроме того, тебе нужен проводник, без него за воротами городища все сгинете в одночасье. Ну, что ответишь?

Ответить Малкин не успел.

С новой силой распахнулась входная дверь. На пороге в розовой накидке возник Особый порученец фэра Быхома, Дарон. Маленькие глазки буром прошились по посетителям, а оттопыренные уши вмиг вобрали в себя голоса за столами.

Абрахма развернулась огромной грудью к двери, ослабилась:

– Каким духом занесло, Дарон? Такая скверная манера появляться не вовремя, мешаешь моим посетителям глотать хмель и мясо. Если понадобилось что-то, заходи и дверь закрывай за собой, а нет – выметайся к дохлым крысам!

Дарон сделал несколько шагов вперед, дверь впустила еще с десятков рядовых порученцев в сизых накидках с розовыми нашивками на левой груди и захлопнулась.

Абрахма подалась навстречу. Она не любила Дарона, ей казалось, его глазки видели ее насквозь, и это не нравилось жене фэра. Кому понравится, когда тебя читают, как развернутый свиток. Но, с другой стороны, она знала, что Дарон побаивался ее так же, как все окружающие. И нередко он бывал полезным. Хотя бы в том, что иногда не брезговал выполнять ее поручения

особого порядка. Они, как правило, были связаны с ее беспредельным правом жены фэра: хозяйничать в Пунском землячестве.

Маленькие глазки Дарона сузились, оставив одни щелки. Сквозь такие щелки вряд ли кто-то мог бы что-либо разглядеть. Но только не Дарон, тот видел все. Он утвердительно кивнул Абрахму и разлепил плотно сжатые губы:

– У меня особое дело, Абрахма.

– У всех у вас одно дело, – хозяйка питейного заведения громко выдохнула, словно выпустила клубы пара. Она была значительно крупнее Дарона и смотрела на него сверху. – Тебе тоже нужен Бат Боил!

Переселенцы вокруг втянули головы в плечи, уменьшились, опасаясь случайно попасть в те же сети, в которые угодил Тукан. Рядовые порученцы у двери казались им в эти мгновения страшными монстрами.

Пышная расхристанная разносчица задом-задом скрылась за спиной здоровяка-разносчика. Тот окаменел на месте, боясь шевельнуться, не чувствуя, как нос разносчицы уткнулся ему между лопатками.

Все ждали, что скажет Дарон. Тот снова утвердительно кивнул хозяйке заведения и пропустил между разжатыми губами:

– Нет, Абрахма, мне нужны вот эти убийцы гарнизонника Рокмуса и отрядника Бартакула, – он кивком показал на Малкина с друзьями.

По питейному заведению пронесся вздох облегчения переселенцев.

Разносчик слегка качнулся, перетаптываясь, разносчица выглянула из-за его спины.

Жена фэра хватанула ртом воздух, ощутив, как желаемая добыча окончательно ускользает из ее рук. Глухо недовольно засопела. Абрахма не любила попадать впросак и проигрывать. Она хищно нависла над Дароном, густым грубым голосом выплеснула вопрос из маленького рта:

– Разве Рокмус и Бартакул убиты?

– Я иду по следу этих шестерых с места убийства. Мне помогает Сильнейший маг Албакус, – произнес Дарон и показал рукой себе за спину.

В тот же миг Абрахма и все окружающие увидели, как сзади Дарона возник дотоле невидимый маг Албакус в глухой тканевой накидке дымчатого цвета. Накидка фалдами ниспадала до щиколоток, ниже которых торчали дымчатые боты. Плоский, круглый головной убор той же расцветки полями закрывал верхнюю часть лица. Из складок одежды появилась рука мага с короткими растопыренными пальцами. Протянулась в сторону Абрахмы, и сильно открывшийся рот показал крупные кривые зубы:

– Теряешь чутье, Абрахма, – голос был елейным, вьедливым, тягучим.

Широкое лицо хозяйки заведения раздраженно покривилось, глубокие глаза помутнели, грудь тяжело закачалась. Дорогие заколки на копне волос блеснули, золотые узоры на черной накидке зловеще заиграли. Она процедила:

– Да, не почуяла тебя, Албакус. Не ожидала увидеть.

– Я потому и Сильнейший, что меня никто и нигде не ожидает, Абрахма, – как бы любуясь собой, пропел в ответ маг, вызывая у жены фэра новое раздражение.

Магии Албакуса боялись все, Абрахма также чувствовала дискомфорт рядом с ним. Но она знала мага лучше многих, ведала его слабинуку к хорошей выпивке. Была в курсе, что в пьяном виде с мага, как шелуха с семечек, слетает величие и пропадает магическая способность исчезать и возникать неожиданно. А также заглядывать в прошлое и будущее и подчинять себе деби. Она не упускала случая попользоваться этим. Албакус, как и Дарон, был ниже ее ростом. И Абрахма посмотрела на мага с ехидцей:

– Я знаю, Албакус. Дарону повезло, что ты рядом, иначе он долго кружил бы по дорогам землячества. Но я сомневаюсь, что Бартакула и Рокмуса могли убить эти хилые уроды недо-

носки, – глянула на Дарона. – Ты ничего не намутил, Особый порученец? Убить таких вояк, как Бартакул и Рокмус, невозможно голыми руками.

– Ты не веришь мне? – Дарон сжался, задетый подозрением Абрахмы.

– Ну почему же? – ухмыльнулась та. Впрочем, осложнять отношения с Дароном ей сейчас было невыгодно. Разумела, если Особый порученец вцепился в этих шестерых, противостоять глупо, тем более ему помогал Албакус. Однако можно попробовать договориться с Дароном о шлюхах. И Абрахма смягчила тон. – Тебе верю. Но не укладывается в башке, как эти дохлые култышки подобралась к отряднику, да еще прикончили его. Он же вояка, один на тысячу деби, а эти, ты посмотри на них. Ты думаешь, мне их жалко? Нисколько. Забирай. Только этих шлюшек оставь мне, ты же знаешь, шлюхи не убийцы, они пригодны лишь для одного дела. Зачем они тебе? Их место в моем доме свиданий, а не в бункере каннибалов. Ну, сожрут их крысы, кому от этого прок? Только крысам. А в доме свиданий от них польза для всех, Дарон. Тебя эти шлюхи ублажали бы с особыми почестями, не сомневайся в этом. И твой карман разбухнет от моих фарандоидов.

Особый порученец на короткое время задумался, утвердительно кивая в ответ. Большие оттопыренные уши ловили каждое слово. Предложение Абрахмы было заманчивым, но Дарон наперед знал, как жена фэра не любила расставаться с фарандоидами, и если иногда подмасливала, то довольно скудно. От такой мелочи карман не разбухнет, а подставиться – раз плюнуть: все-таки дело державное. Особый порученец любил звон монет, но сейчас уступить жене фэра не рискнул. Его маленькие глазки пробуравили каждую из девушек, рука судорожно убрала с губ поплывшую слюну, и он с трудом выдавил из себя:

– Не уговаривай, Абрахма.

Та громко уязвленно хмыкнула, откинув назад крупную голову:

– Я никогда никого не уговариваю, Дарон. Твое дело. Забирай всех.

Ванька Малкин продолжал стоять у стола, упираясь кулаками в столешницу, терпеливо наблюдал за дебиземцами.

Его друзья сидели и молча возмущенно ловили чужие слова, ощущая новую нависающую опасность. И косили глазами на кинжалы на соседнем столе. Все было непредсказуемо.

Первым не выдержал Раппопет, напряг мускулы, упруго подскочил с жесткой скамьи, привычно пробежал пальцами по пуговицам рубашки:

– Эй, деби, – выкрикнул он в дымный воздух, пропитанный запахами жаровни. – Вас тут на дерьме разводят! Дарон вешает лапшу на уши, а вы разинули рты, слушаете враки! – Андрюха старался выбить твердь из-под ног Особого порученца. – Прищепи язык, Дарон, мы видели, как ты сам приказал убить Бартакула и Рокмуса. Хочешь убрать свидетелей? – он выхватил глазами Албакуса. – Если ваш маг и правда Сильнейший, почему же он не видит дальше собственного носа? Ты оплошал, Албакус! Абрахма, остерегись, как бы они и тебе не пустили кровь!

Начал Андрюха неплохо, но тыкать носом Абрахму было чересчур.

Жена фэра не терпела, когда ей указывали, тем более чтобы делал это какой-то безродный выкидыш. Сама умела отделять мух от мяса. Ее тяжелое широкое лицо сделалось страшным, в горле глухо заклокотало:

– Это что за сопля разговорилась? – грубо пресекла она Раппопета. – Кто тебе позволил подавать голос в моем питейном заведении? Я раздавлю тебя, как крысенка, если не заткнешься, слизняк! Всех скормлю каннибалам!

Андрюха сообразил, что допустил промашку, отшатнулся.

Лугатик спрятал глаза.

Ванька выдержал бешеный взгляд Абрахмы, переждал взрыв и с натугой, краснея, выговорил наперекор ей:

– Не петушись, Абрахма. Он правду сказал. В гибели Рокмуса и Бартакула виноват Дарон. Я расскажу об этом презу Фарандусу.

В ответ раздался громкий раскатистый хохот Абрахмы. Завсегдатаи от всех столов тут же стали подхихикивать в унисон ей. И скоро все питейное заведение колыхалось от общего смеха.

Разносчица давилась смехом и крутила пальцем у виска, подпрыгивая на месте.

Разносчик выплескивал из себя смех, как отрыжку.

Переселенцы тыкали из-за столов пальцами в сторону Малкина и щерились так, будто никогда не веселились, как теперь.

Лицо мага Албакуса под полями головного убора видно не было.

Дарон не смеялся, съежился и притих, плотно сжимая губы и притиснув подбородок к вороту розовой накидки, щеки чуть втянулись, нос обострился.

Рядовые порученцы будто растаяли в общем гаме, их никто не видел.

Не смеялся и Бат Боил. Широко расставленные глаза хмуро смотрели из-под квадратного лба.

На душе у девушек было отвратительно. Их охватывала дрожь от мысли, что могут угодить в дом свиданий Абрахмы. Карюха злилась, сверкала глазами, как дикая кошка, не подозревая, что так она привлекала еще большее внимание посетителей. От бессилия под столешницей сжимала кулаки. Катюха заметно повесила нос, не находя выхода из положения.

Лугатик растерянно озирался, кривя лицо, и нервно чесал ногтями голый живот. Кожа покрылась красными полосами, но Володька все продолжал и продолжал чесать.

Глаза разъедал дым от жарева, в горле першило, закопченные стены начинали давить, а на сковородах громко шкворчала поджарка. Хотелось вдохнуть свежего воздуха. Где же те крысы с мышами, которые обещали помогать? Как в воду канули.

Карюха наклонила голову к Лугатику, негромко прошептала сквозь зубы:

– Нет, ты посмотри, как скалятся эти паршивые пьяницы. Лишь бы угодить Абраhme. Сами, поди, в штаны наложили, когда появился Дарон, а теперь перья распушили, как петухи. А ведь на таких же правах тут, как и мы. Никто и звать никак. Этими дураками кормят голодных крыс-каннибалов, а они и рады, что их очередь не подошла. Переселенцы горбатые. Нашли лучшую долю. А коренные-то громче всех гыгикают, аж давятся. Разорвала бы этих деби на куски. Надо что-то делать. Иначе крысы-каннибалы изгрызут на шматки нас. Ну, что молчишь?

Лугатик дернулся, стрельнул по сторонам глазами, он не знал, что нужно делать. Взгляд иногда скользил по кинжалам на соседней столешнице, но это не утешало. Допустим, схватят они эти кинжалы, и что дальше? Резать дебиземцев? Маразм. Пробриться к выходу? А что там за дверью, может, еще десятка два рядовых порученцев Дарона? Сомнут мигом. Глянул сбоку на Ваньку. Тот был бордовый от внутренней ярости, желваки на скулах ходили. Лугатику показалось, что Малкин ярится не на завсегдатаев, а на себя за то, что вынужден терпеть насмешки и унижения, и Володька съязвил Карюхе:

– Тише, не звони, подруга. Пускай ржут сколько влезет. А то услышат, как ты жаждешь порвать их на лоскуты, тогда не забалуешь. От них чего угодно ожидать можно, пикнуть не успеешь. Хочешь попасть на обед крысам-каннибалам? Представь, как на нас набросятся эти голодные серые грызуны? То-то же. А если Дарон сторгуется с Абрахмой, тогда чаша сия минует вас. Загребите в дом свиданий. Там, понятно, что за дела, но все-таки не бункер с крысами.

Карюха не поняла, то ли это злая Володькина шутка, то ли обыкновенное желание заткнуть ей рот. Опять сверкнула глазами, под столом больно топнула по его ноге, парень подскочил с места и чуть не выругался. Однако сдержался, буркнул:

– Ну, ты чего, я же просто так, пощекотать нервы.

– Да пошел ты, Лугатик, коту под хвост! – зло огрызнулась она.

Раппопет отстраненно глянул на их возню, прикидывая в уме, сколько секунд ему понадобится, чтобы добраться до кинжалов на соседнем столе. Он сидел ближе всех к этому столу и решил, что должен завладеть сразу несколькими, чтобы друзья не остались внакладе, с голыми руками. Что делать потом, глубоко не задумывался, главное вырваться наружу из этих прогорклых запахов, а там – на все четыре стороны. Хотя бы увидеть, что за этими стенами. Хорошо бы разжиться палашами, все-таки оружие серьезнее, но теперь не до жиру – быть бы живу. Короче, собирался орудовать по обстоятельствам, важно не упустить кинжалы, единственную возможность выжить сейчас, а то все задумки насмарку.

Катюха притихла, ощущая зыбкость почвы под ногами. В любой момент эта трясина могла засосать с головой. И никто не узнает, где она и что с нею произошло. Это печально. Мама, мама, вспоминаешь ли ты сейчас о своей дочери? Колени чуть подрагивали, и чтобы унять противный трепет, она немного пошевелила ими, слегка заскользила подошвами обуви по земляному полу. Непроизвольно прижалась к плечу Андрюхи. Тот повернул к ней озабоченное лицо с немим вопросом, чего она хочет? Катюха вздохнула и почти прикоснулась к его уху, чтобы в сплошном гомоне тот услышал ее голос:

– Знаешь, мне страшно.

– Вранье, – напряженно откликнулся Раппопет. – Страшно бывает, пока не найдется выход из положения, – и уверенно обнадежил:

– А мы вывернемся. Не дрейфь, Катюха, есть мысли!

– Ты что-то придумал?

– Думки имеются, потерпи, – подтвердил Раппопет и умолк, отвернувшись.

Его слова несколько ободрили Катюху, она чуть воспрянула, выпрямила спину и вскинула подбородок. Хохот посетителей прекратился быстро, как и начался, стоило только умолкнуть Абрахму.

Она некоторое время в упор насмешливо и брезгливо смотрела на Малкина, прежде чем спросить:

– Кто ты такой, хилак некормленный, чтобы тебя слушал могущественный Фарандус?

Ванька оторвал сжатые кулаки от столешницы, расправил худые обнаженные плечи, стараясь придать своей фигуре внушительный вид. На лице появилось твердое выражение. Громко, чтобы слышали все, весомо произнес:

– Не обманывайся, не кипятись, Абрахма, мы все посланцы иноземной державы к презу Фарандусу.

И тут прямо на глазах стали происходить метаморфозы.

Посетители втянули в плечи головы и уткнулись в столешницы перед собой.

Лицо Абрахмы начало медленно вытягиваться, превращаясь в узкое и длинное. Усмешка сошла на нет, и появилось разочарованное болезненное выражение, как будто вдруг дал о себе знать гнилой зуб. Жена фэра чуть отступила, и почудилось, что ее коленные суставы проскрипели, как ржавые петли на обветшалых дверях. Она явно стала утрачивать интерес к новым посетителям. В глазах возникло безразличие, взгляд говорил: какая жалость, напрасно потеряно время и силы. Утешало, что успела содрать горсть фарандоидов с Бата Боила. Мог бы и больше сыпануть, жмот, но не сумела выторговать. А жаль, теперь было бы не так мерзко из-за неудачи со шлюхами. С очевидным злорадствующим презрением посмотрела на Особого порученца. Ведь тому после Ванькиных слов ничего не обломится. А совсем недавно сама собиралась раскошелиться, сыпануть в карман Дарону несколько фарандоидов за девок. Хорошо хоть не стала торопиться, а то плакали бы ее монеты горькими слезами, не воротишь.

Лишь лицо Бата Боила оставалось непроницаемым.

Маг Албакус отодвинул Особого порученца в сторону и сделал несколько мелких шажков вперед. Затем короткими пальцами с толстыми суставами и крупными ногтями откинул кверху переднее поле головного убора, и в Ваньку въедчиво вцепились его глаза. Парень на мгнове-

ние увидел лицо мага, но тут же забыл его, почувствовав сильное головокружение. Вокруг все закачалось и поплыло, и Малкин сжал веки. Албакус положил ему на плечи свои руки и содрогнулся, как будто его ударило током. Попытался сразу оторваться от парня, но не удалось, и заскулил протяжно, монотонно.

По деби и переселенцам в питейне пробежало тревожное волнение. Маленькие глазки Дарона ошалело заметались. Абрахма отшатнулась в ужасе. А снаружи разнесся оглушительный гул, похожий на шум морского прибоя, голосов, звуков автомобилей, рыков зверей, лая собак. Все это смешалось, спрессовалось и грохнуло в стены заведения. Они заходили ходунгом, дощатая кровля над головами стала трещать и кусками откалываться. Сквозь дыры Сашка увидела низкое черное небо. Шум яростно вломился внутрь и ударил в ушные перепонки так сильно, что все зажали уши, припали к столешницам, приплюснули лица и захрипели.

Но вот Албакуса оторвало от Ваньки, отбросило к Дарону, лицо мага было перекошено и в крупном поту. А шум извне исчез, умер. Посетители стали медленно выходить из оцепенения, отрывая лица от столешниц. Абрахма глубоко дышала, припадая подбородком к груди. Разносчик и разносчица, прилипшие друг к другу, приплюснутые к закопченным бревнам стены, отлепились, хватая ртами воздух. Бат Боил руками растирал сморщенное лицо. Дарон бил пальцами по оттопыренным ушам, изгоняя из раковин остатки странного шума. Маг подал голос, и никто не узнал его, голос был растерянным, речь сбивчивой и торопливой:

– Я не могу, – икнул он жалко, широко открывая рот с крупными кривыми зубами, – не могу проникнуть в его мозг, не вижу, где его держава. Все сокрыто от меня черной тьмой. Мне никогда не попадались такие посланцы. И этот шум, он незнаком мне.

Особый порученец убрал руки от ушей, просверлил глазками мага:

– Так они посланцы к презу или нет? – спросил, выдавливая из себя слова.

– Все может быть, – неуверенно икнул Албакус, – а может и не быть. Я не смог узнать, из каких краев прибыли эти иноземцы и что их привело в наши рубежи.

– Тогда ответь, – снова спросил Дарон, – они опасны для преза Фарандуса?

– Они опасны для всех, – увереннее заключил маг. – Не упusti их, Дарон, – и затих.

Дарон неторопливо выгнул шею и вытер вспотевшие ладони о полы розовой накидки.

Малкин, приходя в себя, потормошил ладонями взъерошенные волосы, вздыбив еще больше. Помнил глаза мага, сузившиеся, злые, как у хищного зверя. По голому торсу парня пробежала мелкая рябь.

Некоторое время назад магические ветры, вызванные Алба-кусом, принесли из мира людей знакомые звуки, внесли в дымное помещение запахи другой жизни. Друзья уловили их и будто окунулись в свое прошлое. Сердца защемило. Но это длилось недолго. И пока это длилось, Сашка, не выпуская из виду Алба-куса, наблюдала за Андрюхой. Тот, воспользовавшись ужасом посетителей, смахнул с соседнего стола половину кинжалов и сунул в карманы брюк. Лугатик тоже было дернулся за ним, но в последний момент не решился, лишь оторвал зад от скамьи и снова опустился на нее. Катюха чуть приподнялась над столом, напряженно затаила дыхание, опасаясь, как бы Андрюху не схватили за руку. Но обошлось. Дебиземцам было не до него. Расслабилась Катюха, когда Раппопет плюхнулся рядом и довольно подмигнул. А Карюха не отрывала глаз от дребезжащей входной двери, жалея, что та не близко, метнулась бы к ней, но на пути корчились Албакус, Дарон, Абрахма и Бат Боил, перекрывая проход. Такая досада, такой облом, страшная невезуха. Карюха судорожно глотала слюну и сверкала глазами.

Губы Дарона снова чуть растянулись, но улыбка была холодной и лютой. Рядовые порученцы знали, что такая улыбка предвещала смерть тому, на кого пал его выбор. Очевидно, знал это и Бат Боил, ибо, прежде чем разомкнулись губы Дарона, он сделал предупредительный знак рукой и громко процедил:

– Стоп, стоп, стоп, стоп. Не спеши, Дарон. Я должен сообщить тебе, что до твоего появления я уже за них заплатил кучу фарандоидов. Они теперь мои. – Особый порученец повер-

нул голову к Бату Боилу, еще больше сжал губы, будто наткнулся на непредвиденную препону. Недоумение прочертило легкую складку на лбу. Ответил не сразу, сперва убрал с лица складку:

– Ты опасный деби, Бат Боил, – сказал негромко, но загадочно. – Тебя все ловят, но никто не может поймать.

– Я плачу за это хорошей монетой, – отозвался терр.

– Ты ведь знаешь, что иноземные посланцы под защитой преза Фарандуса, – напомнил Особый порученец, – забудь о своих фарандоидах. Что поделаешь, Бат Боил, удача с неудачей – родные сестры. Я исполняю распоряжение фэра Быхома. Мои проводники будут в дороге сопровождать посланцев, пока не передадут их телозащитникам преза Фарандуса. Тропы, тропы, много троп впереди. Фэр Быхом всегда знает, что делает.

– Не сомневаюсь, Дарон, не сомневаюсь, – проурчал Бат Боил, смотря из-под бровей колющим взором. – Но у меня завелись лишние монеты, я хотел бы предложить их тебе, – он прищурился и доверительно приблизился к Особому порученцу. – Просьба так себе, пустяшная: включи в число проводников одного из моих терров. Не беспокойся, он не станет помехой для твоих порученцев. Двести фарандоидов разве плохая гарантия?

Дарон сузил маленькие глазки, ему определенно не понравилась сумма.

Малкин слушал и предполагал, что интересы этих деби вряд ли сойдутся на какой-то сумме: Дарон не уступил даже Абрахму. При этом парень интуитивно почувствовал угрозу для людей: порученцы в роли проводников – это неуспынный пригляд и контроль, а стало быть, постоянное неотвязное охранение и никакой свободы. Все не по душе, все не так. Вроде бы избежали участи терров, но оказались в клешнях Дарона. Ванька вздохнул и решительно прервал диалог между Особым порученцем и Батом Боилом:

– Ты бы распорядился, Дарон, чтобы нас покормили перед дорогой. От этой пищи, – показал на блюда на столе, – можно ноги протянуть.

– Еще никто не подох! – недовольно яростно вскипела Абрахма, хищно качая всеми телесами. – Здесь я распоряжаюсь, а не Дарон, запомни, посланец! Обойдетесь без жратвы, у вас нет фарандоидов, чтобы заплатить! Без монет налью холодной воды в ковши и по куску лепешки дам, чтоб с голоду не окочурились в Пунском землячестве. Эй, Малыш, – грубо окликнула разносчика, зная, что тот за перегородкой хорошо ее слышит. – Приготовь иноземцам по куску лепешки с кипятком!

Дарон кивал головой, слушая Абрахму, затем глазками поймал усмешку Ваньки и повернулся к рядовым порученцам. Один из них от двери беззвучно метнулся к нему. Дарон незаметно вынул из кармана и сунул в руки порученцу крохотный деревянный горшочек, что-то шепнул в его оттопыренное ухо. Тот неслышно скользнул по проходу к жаровне и скрылся за грязной, черной от копоти перегородкой. На узкой спине Дарона розовая накидка топорщилась. Абрахма брезгливо скривила губы, видя это, и проговорила странным призывным голосом:

– А ты, Дарон, не откажешься от штофа с горьким пойлом? Так и быть, фарандоидов с тебя не возьму, хоть ты наплевал на мою просьбу, – затем скосила глаза на сконфуженного мага. – И тебе, Албакус, обломится, чтобы нюх восстановился.

Дарон обернулся, поймал ее глубоко посаженные глаза, и покивал головой:

– Недосуг нам пойлом баловаться, Абрахма. А вот водички хлебнуть, не откажемся. Много нынче воды в пот ушло, пока добрались до твоей питейни. Что скажешь, Албакус?

– Почему бы и нет? – недовольно буркнул из-под головного убора маг.

– Крошка! – тут же разнесся грубый оклик Абрахмы, подбросивший тяжелую грудь. Золотистые узоры на черной накидке пришли в движение, зашевелился и черный пушок под курносым носом хозяйки.

И тут же перед нею выросла разносчица, преданно и часто моргая испуганными глазами:

– Я здесь, хозяйка.

– Напои наших гостей холодной водичкой! Пускай повеселятся! – и громко засмеялась.

Разносчица сорвалась с места, нырнула в клубы жаровни. А к этому времени здоровяк-разносчик уже наполнил водой шесть ковшей на деревянном подносе и на куски поломал лепешку для посланцев. А проскользнувший за перегородку рядовой порученец сыпанул из горшочка в каждый ковш порошка из молотых ядовитых отравных трав. Разносчик ошеломленно обомлел, боясь шелохнуться и выплеснуть воду из ковшей. Противиться было опасно. Лучше сделать вид, что ничего не видел, как сделал повар. Его голая и красная от жара спина склонилась над жаровней и не повернулась ни на один звук.

Опорожнив горшочек, порученец бросил его в огонь и выскользнул за перегородку. Тут же, чуть не столкнувшись лбом с порученцем, влетела расхристанная разносчица и заметалась по сторонам. Глаза наткнулись на поднос с полными ковшами, она мгновенно схватила два ковша и, не успев разносчик остановить, вылетела с ними за перегородку. Малыш беспомощно раскрыл рот и так растерянно без движения стоял некоторое время. Опомившись, черпнул воды другими ковшами и поставил на место выбывших.

Крошка, вымахнув из-за перегородки, стремительно приблизилась к Дарону и Албакусу, сунула по ковшу в руки и поймала удовлетворенный взгляд Абрахмы.

Дарон чуть постоял, всматриваясь в воду, затем несколькими быстрыми глотками отпил из ковша, глубоко вздохнул и вновь припал к нему губами.

Албакус не спеша подул на воду и тоже выпил до дна. После этого они бросили ковши на ближайший стол.

Разносчик за перегородкой нерешительно потоптался на месте, глянул в спину молчаливому повару и скованно высунулся за перегородку. Отводя глаза от разносчицы, чем удивил Крошку, сунул ей полный поднос, а когда она вышла, судорожно вытер со лба пот и вяло опустился на скамью. Стал ждать, что будет.

И в ту же минуту в питейном помещении с деревянной потолочной перекладки соскользнула крупная серая крыса и упала на сальную голову разносчицы. Та с испугу выронила поднос, юлой закрутилась на месте. Замахала руками, пытаясь сбросить крысу, и завизжала как резаная. Крыса по шее соскользнула в разрез блузки, отчего визг разносчицы превратился в вой. Она позеленела, ужас исказил лицо. Прыгала на месте и трепала руками полы блузки. Крыса скользнула между грудями, по животу и по юбке на пол.

Только тут Малкин увидал, что деревянные перекладки над головой усыпаны крысами, еще пять минут назад этого не было. Пол под ногами тоже кишмя кишел грызунами.

С перекладин крысы плюхались на головы, на плечи, на спины завсегдатаям, на столы. Разбегались между чашками и ковшами, приводя в движение все питейное заведение. Посетители мгновенно трезвели, вскакивали с мест, дико орали, отшвыривали крыс от себя, пинали ногами, били всем, что попадалось под руки. Коренные дебиземцы схватились за кинжалы, вдруг обнаружив, что половины из них нет, заматались, но разбираться было некогда, крысы сверху прыгали и прыгали на них.

Абрахма, облепленная крысами, вопила неразборчивой бранью во все горло. Внезапное нашествие ужасных грызунов лишило способности нормально мыслить. Ярость душила Абрахму, казалось, выдавливала наружу кишки. Слов не хватало.

Бат Боил, видя, что людей крысы не трогали, одним махом втиснулся на скамью между Лугатиком и Карюхой. Однако это не спасло. Грызуны вцепились в его обувь, в одежду, ловко карабкаясь вверх к голове. Но он не двинулся, сидел прямо, сжимал до боли широкие скулы и не выхватывал из-под одежды кинжала. Даже когда крысы начали покусывать за уши, за шею, за плечи, выдержка не покинула его, не дала сорваться и схватиться за рукоять.

Дарон вытянулся сусликом, розовая накидка посерела от грызунов. Он пытался сообразить, как поступить, но нашествие крыс было настолько большим, что мозг пробивала лишь одна мысль: если это каннибалы, то одолеть невозможно, так они поедают всех. В его малень-

ких глазках вдруг вокруг поплыло, закачалось, стало темнеть. Сознание погасло, тело дернулось в конвульсиях и умерло. Он рухнул на живой крысиный ковер на земляном полу.

Албакус попытался исчезнуть, но заклинания в голове перепутались, и он обыкновенно повис в воздухе. Начал терять сознание, корчиться, судорожно шевелить пальцами. Потом сделал последний выдох и безжизненно упал на крыс в проходе рядом с Дароном. В последний момент Албакус вспомнил, что забыл поставить магическую защиту от яда, но было уже поздно.

Некоторые переселенцы попробовали кинуться к двери, однако грызуны сбили их с ног и укрыли живым ковром.

По лицу Крошки чиркали крысиные хвосты. Она, объятая ужасом, тихо-тихо скулила, закрыв глаза и вытянув руки в стороны.

Малыш стервенел и непрерывно работал мускулами. Срывал с себя крыс и бросал вон. Но на месте отброшенной появлялось несколько новых, и разносчик в конце концов обессилел и с хрипом опустил руки. Грызуны повисли на них, как на ветвях деревьев.

Неприметные рядовые порученцы и вовсе потерялись из виду под живым серым покровом.

Крысы, крысы, крысы.

Малкин и его друзья ошарашенно крутили головами, догадываясь, что такое нашествие не случайно, что наверняка здесь не обходится без их знакомой: непревзойденной проныры Крабиры. Они искали взглядами в серой массе черную крысу, но черных крыс было много, и какая из них Крабира – угадать невозможно. Обескураженно переглядывались и ничего не говорили.

Но вот наконец кажущееся беспорядочным движение в серой массе прекратилось, в проходе перед столом людей крысы расступились, открывая грязный пяточок земляного пола. Черная крыса в центре пяточка стала расти. Это была Крабира.

Друзья оживились. Катюха, пересилив себя, на удивление всем, первая потянулась к непревзойденной проныре, воскликнула скороговоркой дрожащим голосом:

– Ну, где тебя носило так долго, Крабира? Здесь так ужасно. Нас хотели продать в дом свиданий!

– Но ведь не продали, – усмехнулась Крабира, выгибая хвост.

– Как мы здесь очутились? Здесь никто не жалует посланцев к Фарандусу!

Крабира не ответила, дотянулась кончиком хвоста до столешницы. И люди ощутили, что пол под ногами провалился, и они полетели вниз вместе со столом и скамьями. Сердца обмерли. Обступила тьма.

По питейному заведению пронесся свистящий шум, как сильный порыв ветра. Крысы бросились в норы, в щели, на улицу. И все стихло. На какое-то время установилась непривычная тишина, как в вакууме.

Посетители открывали глаза, осматривались, начинали понемногу приходиться в себя. Но долго не решались прервать тишину. Наконец чей-то неуверенный голос пискляво спросил:

– Их больше нет?

– Нет, – глухо отозвался Бат Боил, очутившийся после исчезновения людей на полу. Поднялся, поправил жабо и ногой сильно толкнул лежавшее на боку тело Дарона. – Вставай! Тебя оставили в дураках, как и меня, впрочем. Да и Албакуса окунули мордой в дерьмо. Состарился Сильнейший маг.

На месте стола, где недавно теснились люди, было пустое пространство. Абрахма смотрела на эту пустоту с бешенством, осознавая, что и она вместе с Дароном, Албакусом и Батом Боилом оказалась у разбитого корыта: потеряла теплящуюся надежду пополнить дом свиданий новыми изюминками. Столько фарандоидов могла бы заработать на них. Этого она не забудет Дарону, не раз найдет случай вставить лишнюю шпильку. И за утраченный стол со ска-

мьями также истребует с него. Потом, грузно раскачивая телесами, гадливо отряхнула одежду после крыс и кинула насмешливый взор на Дарона.

Тело Особого порученца после толчка терра откинулось навзничь, и Бат Боил увидел мертвое лицо. Это неприятно поразило его, и он провел глазами по ковшам, из которых пили воду Дарон и Албакус. Мгновенно понял причину и процедил Абраhme:

– Ты отравила Дарона. Да и Албакус, смотрю, попил твоей водички, чтобы протянуть ноги.

Абраhme словно саданули плетью вдоль заплывшего жиром хребта. Ее лицо судорожно исказилось, спина, насколько смогла, выгнулась. Черная накидка на узких плечах пошла складками и вздрогнула золотистыми узорами. Жена фэра Быхома тупо уставилась на тела в проходе, а затем стала шарить глазами в поисках Крошки. Та испуганно затрепетала и замотала головой. Переселенцы притихли, пряча глаза под опущенными лбами. Абраhme была в трансе. Травить Дарона и тем более Албакуса в ее планы не входило. Однако перед нею лежали два трупа. Следовало что-то ответить Бату Боилу, да и другие наострили уши. Но разбираться сейчас с Крошкой и Малышом было неуместно, им она еще успеет развязать языки. А теперь надо было срочно найти объяснение случившемуся. И она нашла. Резко вскинулась, ткнула пальцем в то место, где недавно стоял стол с людьми, и громко грубо гаркнула:

– Они! Посланцы! Посланцы отравили Дарона и Албакуса! Серые твари притащили отраву! – знала, никто не станет разбираться в тонкостях случившегося, ее слово здесь было главным для всех. – Ищите посланцев, деби! Они – терры! Приведите ко мне шлюх! Убейте хитрую желтую тварь Доннарнду!

Холодные, широко расставленные глаза Бата Боила мрачно смотрели из-под бровей.

Переселенцы загомонили, их голоса прорвались наружу сквозь рваную кровлю крыши.

Глава четвертая. Горное урочище

Падение прекратилось после мягкого толчка.

Люди суматошно огляделись и обнаружили, что находятся в окружении ломаных скал, испестренных мрачными черными зевами пещер. Они сидели за тем же столом на скамьях посреди небольшой ровной поляны метров двести-триста в диаметре. Под ногами – чахлая трава, вдоль подножия скал – редкие тонкие кривые деревца, пустившие корни сквозь трещины в камнях. В вышине – яркое небесное полотно, без единого облачка в границах горных вершин.

Горное урочище.

У пещер сидели и стояли, сонно зевали, потягивались, вяло собачились, перетаптываясь с ноги на ногу, воины с палашами, луками и пиками. Некоторые от нечего делать лениво состязались между собой в метании камней. Проигрывали друг другу и выигрывали, перекладывая фарандоиды то в ладонь одному, то в ладонь другому. Воинов у пещер – порядка тридцати.

Скальные нагромождения были труднодоступными, непроходимыми и непролазными.

Люди озадаченно и настороженно озирались, машинально ища глазами выход из урочища.

Из черных пещерных дыр не доносилось ни звука, ни шороха. Камни скал окрест безмолвствовали, словно в оцепенении. Ни птиц, ни ящериц, ни змей. Даже ветер и тот не гулял по урочищу. Возможно, где-нибудь вверху он врывается в горные расщелины, выдувал песчинки, уносил с собой. Но тут, у подножия скал, висело ватное неживое безветрие. Мрачно чудилось, что от пещер тянуло затхлым неприятным духом. И только яркое солнце в зените обдавало каленым жаром.

– Ну и дела, – с запинкой вытолкнул из себя Володька Лугатик.

– Дела хорошие или плохие? – спросила Карюха, поглядывая с опаской на разморенных вояк у ближней пещеры.

Никто из воинов не повернулся в сторону людей, будто не видели, не слышали, не догадывались об их появлении в центре урочища.

Солнце пекло, воины прели под кожаными доспехами. На лицах крупно выступал пот. Было муторно без дела париться на жаре, тупо пялиться друг на друга, беспричинно нехотя лаяться между собой. Пики и луки с колчанами отставлены в стороны. Палаши остриями воткнуты в землю, и на концах рукоятей покоятся грубые ладони. Некоторые вояки, как на подбор, были крепкого телосложения, в ботах больших размеров, с красными щекастыми и носатыми мордами, торчащими из кожаных шлемов.

– Ничего хорошего, – зябко поежилась Катюха, чувствуя холодок от мурашек, пробежавших по телу.

– Нас явно игнорируют, – обронила Сашка, не представляя, чем все может обернуться.

– Окликнуть, что ли? – неуверенно спросил Лугатик и вопросительно посмотрел на Малкина.

– Не надо, – предостерегла Сашка и тоже перевела взгляд на Ваньку. – Сначала не мешает разобраться, что происходит. Может, кто-то понимает больше, чем я? – она ждала ответа от Малкина, но не дождалась.

– Кажется, мы начали мандражить, – нервозно отреагировал Андрюха и полез в карманы. Выложил перед собой на столешнице четыре кинжала с резными костяными ручками. – Вот все, что успел урвать. На четверых хватит. – Продвинул Ваньке и Володьке по кинжалу, один оставил себе, посмотрел на девушек, выбирая, кому отдать, и решительно отправил Сашке. – С кинжалами надежней.

– Все же не с голыми руками, – буркнул Володька, лизнул губы, схватился за рукоять и неестественно захорохорился. – Вот теперь можно и разборки устраивать, и покумекать, что к чему.

Катюха вздернула небольшой нос:

– А что тут кумекать? Явно все замутила Доннаронда. Вот прикиньте сами. Сначала втирала нам мозги, что мы терры, дала проводников к презу Фарандусу. Спрашивается, на кой ляд он нам сдался? Где гарантия, что он не отправит нас к крысам-каннибалам? Никаких гарантий. А в питейне для чего мы оказались? Чтобы посмотреть, как деби пожирают друг друга? Это мне совсем ни к чему. Объявили себя посланцами к презу, и что изменилось? Ничего. А теперь воительница укатала нас в горное урочище. Ее проделки, точно ее. Водит своей магией, как пешек по заколдованному кругу, бросает из одной дыры в другую. Противно быть пешкой у крысы, обрыдло. Воительница явно преследует свои цели. Видать, избавиться от Фарандуса у нее идея фикс. Слишком легко мы ей доверились. Тянет за поводок. Но хватит, наверное. Надо самим раскинуть мозгами.

Лугатик рассматривал кинжал. Только теперь усмотрел на торце рукоятки вкрапленный маленький глазок драгоценного камня, потрогал пальцем. Сашка руками отбросила назад русые волосы и положила узкую ладонь на резную костяную рукоять кинжала, лежавшего перед нею. Карюха вскинула тонкие черные брови. Малкин сосредоточенно молчал. Все думали.

– Поддерживаю, – первым отозвался Андрюха, – пора потумкать, как выбираться из Дебиземии, а то так и будет магия крысы шпынять нас по всяким закоулкам державы, тошно бегать от деби. Не мешало бы из этого урочища вернуться к той металлической трубе, которая из земли торчала. Не знаю, что там по другую сторону от нее, но, думаю, не Дебиземия.

– Чертова Дебиземия! – резко возмутилась Карюха, смахнув мусор со столешницы. – Чертово урочище! Вокруг высоченные скалы. А у нас даже плохонького мага под рукой не имеется. Крабира сейчас не помешала бы. Ничего не остается, как вступить в контакт с этими вояками у пещер, нравится нам это или не нравится, не искать же дорогу через вершины гор! – повернулась к Малкину. – Ты как, Ванька, согласен со мной? Чего играешь в молчанку, воды в рот набрал? Ну-ну, молчать, конечно, не мозги пузырить в черепке, – она забарабанила пальцами по столешнице, громче и громче, яростно взвизгнула и несколько раз стукнула кулаком, намеренно сильно, чтобы привлечь внимание воинов. Ударила косточку запястья, поморщилась досадливо.

Воины у пещер ухом не повели, никаких эмоций на лицах, будто в центре урочища стояла мертвая тишина. Это казалось неестественным. Ванька наконец оторвал локти от столешницы, выпрямил спину. Понимал, нужно действовать, от него ждали именно этого. Поднялся во весь рост со скамьи, чувствуя, как в висках пульсирует кровь, обдавая жаром лицо и плечи, и сказал слова, кои огорошили спутников:

– Коль уж мы оказались тут, считаю, надо проникнуть в пещеры и посмотреть, что охраняют эти стражи.

– Ты башкой не ударился? Зачем нам это? – после недолгого оцепенения первым оправился Володька Лугатик, ощутил, что вспотели ладони, вытер о штаны. – Посмотри, тут пещер целая пропасть. Пасти раззявили. А если в них монстры водятся, только нас и ждут? Меня не манит совать туда голову. Лучше уж по горам лазить, на скалах хотя бы воздух и свет, а в подземельях крутая тьма, сырость и мертвое царство. Нет, Ванька, калачом не заманишь. Наплевать да и растереть! – Лугатик завозился, импульсивно гримасничая, лихорадочно сжимая рукоять кинжала. – Если тебе снесло черепок – полезай в пещеру, а я поглазею со стороны.

– Вероятно, путь к презу Фарандусу не будет простым и легким, – спокойно продолжил Ванька. – Наверное, тропа к столичному городищу пролегает не так, как представлялось нам. Видно, дороги в Дебиземии изрядно запутаны и не имеют прямых направлений. Все придется постигать, чтобы понять происходящее.

– Постигать, постигать. Легко брякнуть. По-твоему, в подземельях мы получим ответы? – взволновалась Катюха, по высокому лбу пробежала морщинка. Короткая стрижка чуть растрепалась. На правом плече светлого топа пялилось грязное пятно. – Крысы предупреждали об опасностях. Не сомневаюсь, что в подземельях жуть. Лугатик прав, не стоит самим лезть в омут головой. Не хочу под землей на брюхе ползать.

– Никто не хочет, – продолжил Малкин, – но как их обойти? Выбора не вижу. Не сидеть же здесь до помутнения в мозгах, – он пригладил торчащий в разные стороны чуб, вылез из-за стола и медленно мелкими шагами отошел метра на два, наблюдая за реакцией воинов. И вдруг грудью наткнулся на нечто плотное, невидимое глазу. Осторожно нащупал рукой и заскользил ладонью по прозрачной упругости. Пошел вдоль, видя, что движется по кругу, в центре коего стол с его друзьями. Плотность была гладкой, от земли вверх, выше Ванькиной головы. Круг замкнулся, Малкин остановился. Друзья ничего не понимали. Обескураженно произнес:

– Мы внутри какого-то цилиндра. Я не вижу стенку, но упираюсь в нее ладонью. Странно.

– Какой еще цилиндр? – недоверчиво поморщился Андрюха и тоже вылез из-за стола. – Сплошные ребусы. – Подошел к Малкину, нащупал упругое препятствие, слегка надавил рукой. Лицо вытянулось, надавил сильнее. Рука вдруг провалилась по локоть, потом по плечо, затем все тело прошло сквозь невидимую плотность, очутившись по другую сторону необъяснимой помехи. Андрюха поманил Ваньку, что-то проговорил, но люди не услышали его голоса.

И в этот миг у пещер возникло резкое оживление стражей. Они взбудоражились, схватились за палаши и пики, забегали, закричали, замахали руками и кинулись к Раппопету. Между тем внутри цилиндра не уловили никакого шума. Два щекастых и носатых стража, крупных и тяжелых, бежали впереди, открыв широко рты. Толстыми ногами, как столбами, впрессовывали в сухую землю хилую траву. На лицах дикие выражения, как будто их глаза увидели посреди урочища смертельного врага. Андрюха, сделав несколько шагов, остолбенел, попятился, развернулся и пулей вернулся внутрь невидимого цилиндра. Друзья схватились за кинжалы, готовясь отражать нападение. Но стражи неожиданно застопорились, пометались по сторонам, потеряв Раппопета. Затем, озираясь, вернулись к пещерам.

– Странное дело. Они что, не видят нас внутри цилиндра или просто не выпускают наружу? – выронил напружиненный Лугатик. – Дела, братцы, как сажа бела. Задача. Одно точно знаю, здесь мы их не слышим. Тебя, Андрюха, тоже не слышали, когда был за цилиндром. А ты, кстати, видел нас оттуда?

– Конечно, – отдышался Раппопет.

– Значит, и они должны. Получается, делают вид, что не замечают. Выходит, все-таки не выпускают из цилиндра, – Лугатик растерянно почесал затылок, вылез из-за стола. Осторожно приблизился к прозрачной стенке, ковырнул ногтем, засопел, как обиженный ребенок. – Зачем это? Могли просто поставить стражу возле нас?

– Наверное мы здесь не по их желанию, – предположила Сашка, поднимаясь со скамьи.

– Допускаю, что они не видят нас, – задумчиво сказал Малкин, наблюдая за воинами. – Предположим, здесь мы защищены магией. Иначе никак не объяснить поведения стражей. А вот за стенкой мы как на ладони. Андрюху сразу засекали. Можно проверить другой вариант: выйду на противоположную сторону. Если стенка для них непроницаема, то за цилиндром метров на пять-семь зона невидимости, – Ванька направился к другой стороне круга. Надавил плечом на упругую стенку, сделал первые шаги наружу.

Он двигался без спешки, приближаясь к условной границе зоны невидимости. Стражи пещер не проявляли никакой активности. На лицах друзей появились улыбки. Вот Ванька достиг предполагаемой крайней точки, остановился, вытер тыльной стороной ладони пот со лба, глубоко вздохнул и сделал следующий шаг.

На третьем шаге от условной границы тишину урочища разорвали грубые вопли воинов. Кто-то из них схватил лук, натянул тетиву и послал стрелу.

Малкин интуитивно отступил и присел, злое свистящее шипение пронеслось над головой. Секунда промедления могла стоить жизни. Стрела позади него вонзилась в землю и задрожала оперением. Следом – вторая и третья. Дальше испытывать судьбу не стоило. Ванька скачками махнул назад. Внутри цилиндра отдышался:

– Всем понятно? – спросил, опускаясь на скамью.

– Только неизвестных в задачке не уменьшилось, – проворчал Лугатик.

В это время от пещер отделилась группа из десяти воинов. С пиками наперевес, с палашиами и луками, растянувшись в цепочку, двинулись к центру урочища. Скоро люди рассмотрели их каменные лица, сдавленные скулы, настороженные глаза, потертые кожаные шлемы, выдавшие виды кожаные доспехи. Движения воинов были осторожными, неторопливыми. Деби тщательно оглядывали пространство перед собой, готовясь в любую секунду вступить в схватку с непонятым врагом. В трех метрах от невидимого цилиндра застопорились, позверинуому принялись, словно что-то учуяли.

Малкин, Раппопет, Лугатик и Сашка внутри цилиндра сжали кинжалы, прикрывая собой безоружных девушек: Катюху и Карюху.

Воины снова тронулись и прошагали мимо. Подобрали стрелы, осмотрели место, пошли по кругу. Идущий впереди верзила с густыми усами и длинными руками, в шрамах, с прихрамывающей походкой, отличался от остальных нашивками на шлеме и доспехах. Он командовал группой, громко кричал и махал руками.

Три стража отделились и направились прямо на людей. Шли сосредоточенно. Люди в цилиндре сгрудились: если воины пройдут сквозь стенку, начнется схватка. Стражи приблизились к цилиндру, еще шаг и они уткнутся носами в стенку. Но, сделав этот шаг, воины неожиданно пропали. Просто сгнули. Люди на миг остолбенели.

А верзила между тем не обратил внимания, ладонью направил оставшихся стражей к противоположному от пещер подножию горы. Широким шагом попер впереди и перед скальной громадой даже не замедлил ход. Лишь чуть пригнулся и вошел в камень скалы. На глазах у людей весь отряд следом словно растворился в горе.

Урочище безмолвствовало. Люди не шелхнулись. Молчание затянулось и начинало давить.

Но вот Карюха издала удивленный возглас, показала на пещеры, где замерли другие стражи. В самом большом зеве неожиданно появился верзила. Топал уверенно, выводя свой отряд на свет. Шли все десятеро. По лицам людей пробежало недоумение. Впрочем, ненадолго.

Верзила остановился перед Главным стражем пещер, навис над ним, как скала. Тот был в короткой наплечной накидке горного цвета. Верзила доложил, провел рукой по густым усам и заступил ему за спину. У Главного стража были впалые щеки и выпуклые глаза, нервный тик дергал правую сторону лица, на искаленной левой руке всего три пальца, в лютот сражении попал под удар вражеского палаша. Он повернулся к мрачному зеву второй пещеры и сделал отмашку.

Пасть пещеры испустила раздражающий скрежет, шипение и рык.

Верзила кинулся к подземелью, навстречу выступившим наружу двум рядам воинов. Они за цепи вывели из темноты странное существо с телом деби, покрытым крысиной шерстью, с длинным голым крысиным хвостом и головой большой крысы. Тварь дергалась, бесновалась от ударившего в глаза яркого солнечного света, свистящим писком наполнила урочище, упиралась. Цепи звенели от натяжения, ноги воинов скользили по пересохшей земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.